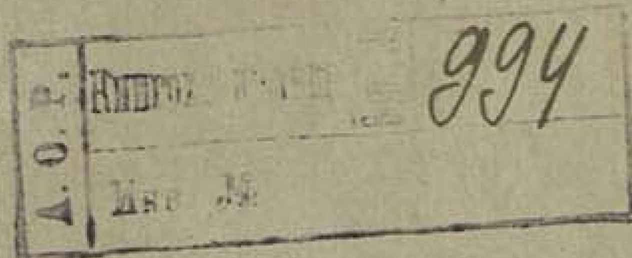
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

**НЕПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОРГАН
АГИТ.-ПРОПАГАНД. ОТДЕЛА**
Гомельского Губернского Комитета
Российской Коммунистической Партии

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

Издание Гомельского Губернского Комитета Российской Коммунистической Партии
1923

АГИТАТОР

непериодический орган агитационно-
пропагандистского отдела
Гомельского Губернского Комитета РКП

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

1923

Гублит № 1395, Гомель. 2380—1500. Типография „Полеспечати“.

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ О ВТОРОМ С‘ЕЗДЕ Р. С.-Д Р. П.*)

По независящим от моей воли причинам, я не мог тотчас после с‘езда сообщить о нем вам лично. В виду выхода в свет протоколов, я ограничусь лишь освещением наиболеее важных событий как на самом с‘езде, так и близко связанных с ним, чтобы уяснить вам позицию **большинства**, к которому я принадлежал. Это весьма важно, ввиду множества кривотолков и ложных освещений фактов, распространяемых так называемых **меньшинством** для оправдания своей тактики бойкота и той ожесточенной борьбы, которая тянется целые месяцы,—борьбы, не имеющей в основании своем ничего общего с борьбой принципиальной.

С‘езд дружно осудил федералистические стремления бундовцев[1]), принял программу[2]) и устав партии огромным большинством голосов, почти все резолюции были приняты единогласно или подавляющим большинством голосов. Единственно сколько-нибудь принципиальным вопросом, разделившим искровцев, был § 1 устава партии. Комиссией по выработке устава с‘езду были предложены две формулировки о членстве в партии. Формула т. Мартова: „членом партии считается всякий, признающий программу и оказывающий ей содействие под контролем одной из партийных организаций“. Формула т. Ленина: „...признающий программу и участвующий лично в одной из партийных организаций“.

Формула т. Мартова кажется мне делающей шаг к оппортунизму. С одной стороны, она предполагает признание социал-демократической программы и как бы исключает возможность вступления в ряды партии несоциал-демократических элементов, с другой стороны, она стремится зачислить в ряды членов партии, путем присвоения сего названия, такие элементы, как профессора, гимназисты и т. п., которые не желают или боятся вступить или составить партийную организацию, хотя бы lose.

Еще несостоятельнее кажется мне формула т. Мартова по отношению к целым организациям. Если какая-нибудь организация «независимцев» «признает» программу и контроль одной из партийных организаций и этим самым дает право каждому «независимцу» называться членом социал-демократической партии, то совершенно не понятно, по крайней мере с точки зрения действующего устава, каким образом организация, состоящая сплошь из членов партии, не будет представляться как для самих членов, так и для внешней публики партийной организацией.

Формула т. Ленина уничтожает возможность фиктивных членов партии и ставит вопрос о профессиоальных и других организациях, не преследующих чисто социал-демократических целей,

*) Настоящая статья является перепечаткой брошюры, изданной в 1904 г. в Женеве, в партийной типографии. Здесь в нее внесены только некоторые исправления корректурного характера, согласно указанию автора, и сделаны дополнительные примечания т. Лепешинским. Письмо было опубликовано за подписью „Павлович“—псевдоним т. Красикова.

на правильную почву, нисколько не уничтожая возможности оказывать свое воздействие на эти организации. Кроме того, формула т. Ленина дает социал-демократическим элементам стимул к организации[3]).

За формулу т. Ленина было подано 23 голоса, против было подано 28 голосов, в том числе пять бундовцев, два рабочедельца и один борьбист. Принята формула тов. Мартова[4]).

Дебаты и голосования по § 1 устава, где т. Мартов сделал, по моему мнению, шаг к оппортунизму, показали, что при разногласии «искровцев» большинство с'езда будет составляться именно за ту линию, которая сколько-нибудь приближается к оппортунистической. Тут уже намечалась группировка, которая окончательно сложилась в момент выбора центральных учреждений. Уход «Бунда», имевшего императивный мандат, и делегатов заграничн. Союза русск. с.-д., обидевшихся на его распущение, избавил нас от многих неожиданностей, но зато поставил лицом к лицу две группировки «искровцев», борющихся за определение состава центров.

Еще задолго до с'езда, на рождестве 1902 г., редакцию «Искры» в лице т. т. Мартова и Ленина, один из работавших в России товарищей (член О. К.) просил озаботиться разработкой организационного устава. За несколько дней до с'езда выяснилось, что т. Мартов имел набросок своего проекта устава, но, после ознакомления за несколько недель до с'езда с проектом т. Ленина, не счел нужным выступить с ним, вследствие чего ленинский проект фигурировал на предварительных совещаниях с'езжавшихся делегатов, как единственно „искровский", и был, как таковой, защищаем т. Мартовым, также и т. Троцким, как выражались потом некоторые делегаты, с пеной у рта.

Этот проект в общем сделался нынче действующим уставом партии. Изменения потерпели: § 1 (в мартовском духе), пункт о Совете (в духе российских товарищей, настаивавших на расширении функций Совета) и пункт о кооптации членов в Ц. К. и в Ц. О. По первоначальной идее ленинского проекта, два руководящих центра Ц. О. и Ц. К., автономные каждый в своей области, в случае конфликта между ними, созывают Совет партии из пяти лиц, избранных с'ездом. Таким образом, по первоначальной идее проекта Ленина, Совет является лишь высшим третейским учреждением. Я и некоторые другие товарищи, не считая целесообразной такую постановку верховного учреждения, настаивали на расширении функций Совета. Я настаивал на том, чтобы Совет мог собираться не только в случае конфликтов, а и в случае возникновения важных партийных вопросов, где нет никакого конфликта, а необходимо принять решение, какого не может взять на свою ответственность тот или иной из центров в отдельности. Эта поправка была принята автором проекта и была внесена в уставную комиссию. Т. Мартов на с'езде признал себя солидарным с этой идеей верховного Совета и формулировал ее так:

„Я предлагаю отвергнуть предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: „Совет есть высшее учреждение"... Для нас Совет не только примирительное учреждение". С'езд утвердил эту формулировку. Относительно выбора пятого члена возникли разногласия, как его назначить: выбирать ли на с'езде, предоставить ли выбор четырем представителям от Ц. К. и Ц. О. Решено выбирать на с'езде. Т. Мартов стоял за предоставление этого права четырем представителям от Ц. К. и Ц. О. За весь устав, который теперь некоторые товарищи вместе с бундистами стараются изобразить, как аракчеевский, голосовали 42 против шести, при одном воздержавшемся.

Таким образом, вы видите, что устав на самом с‘езде был принят всеми за исключением бундовцев, при отсутствии сколько-нибудь принципиальных (кроме § 1) разногласий между искровцами. Между тем, к моменту выбора центральных учреждений на с‘езде создалась уже атмосфера, предвещавшая мало хорошего. Напрасно читатель протоколов будет искать в ходе прений коренных причин этого расхождения между „искровцами“. Напрасно он будет стараться понять, почему, напр., вопрос о маленькой группе „Южный Рабочий“ дебатируется так страстно. Чтобы осветить этот вопрос, необходимо раз‘яснить инцидент с Орг. Ком. в начале с‘езда и указать на неофициальные собрания организации „Искры“.

Вы знаете, что Орг. Ком. не представлял цельной, спевшейся организации. В него входил бундист, член организации „Искры“, южно-рабоченцы и один случайный член. Конечно, бундовец вел свою политику, определяемую всей позицией „Бунда“.

Все помнят скандал, поднятый им в своей „прессе“ по поводу, якобы, неприглашения его на первое заседание Орг. Ком. [5]) Громы его были направлены на „козни“ „Искры“. Даже после вступления в Орг. Ком. „Бунд“ вел самую неприличную полемику с „Искрой“ и третировал Орг. Ком., как интригу „Искры“. Южно-рабоченцы (после долгих переговоров с организацией «Искры», заявившие о солидарности с ней) вели свою особую линию. Линия эта (независимо от устойчивости их в принципиальных вопросах) заключалась в стремлении закрепить и расширить свое, до образования Орг. Ком., небольшое влияние на юге. Цель «Южн. Рабоч.» заключалась в том, чтобы выйти со с‘езда в виде редакции популярного органа в России. Эта тенденция шла вразрез с «искровскими» планами. Я не буду касаться здесь других разногласий между искровцами и южно-рабоченцами. Мне важно здесь отметить, что «Южн. Рабоч.» имел свои отдельные от организации «Искры» планы и свои более узкие приходские интересы.

На с‘езд из семи «искровских» членов Орг. Ком., бывших в нем с основания, мог явиться лишь я один. Второй из явившихся представитель «Искры» в Орг. Ком. принадлежал к числу так называемых (в шутку) «искровцев, стыдящихся быть искровцами». Кроме них был один бундист, один южно-рабоченец (второй приехал через день после открытия с‘езда) и один случайный член [6])... Такой случайно образовавшийся на с‘езде состав Орг. Ком. воочию показал, какая тактика капризов может проистекать из подобного сложения сил. Еще до с‘езда это выразилось на заседании Орг. Ком., по поводу приглашения совещательных голосов, на что как, известно, Орг. Ком. до открытия с‘езда имел право. Неожиданно для всех членов организации «Искры» (в том числе и редакции), вопреки энергичнейшему протесту т. Мартова, один из представителей орг. «Искры» и Орг. Ком., назовем его Зет, вносит предложение пригласить некоего К., известного организации лишь своими «перебегами» рабочедельца. Происходит отчаянная схватка в Орг. Ком. между двумя представителями «Искры», при чем мотивирует необходимость приглашения К., во-первых, тем, что он написал какую-то критику «искровских» взглядов (потом оказалось, что книга сия не существует), во-вторых, что сам Z солидарен с К., солидарен во всех тех взглядах, в которых К. расходится с «Искрой». Эта декларация удивила и возмутила всех членов организации «Искры». Инцидент этот разрешился на этот раз благополучно лишь потому, что искровцу удалось с большим трудом привлечь при голосовании на свою сторону случайного члена Орг. Ком. [7]).

Второй инцидент разыгрался уже во время заседания с'езда. Исходным пунктом инцидента было знаменитое «скоропалительное заседание» Орг. Ком. во время пятиминутного перерыва «у окошка» в зале заседания. Дело происходило следующим образом. Как известно, группа «Борьба» Орг. Ком. на с'езд приглашена не была, мандата ни от одного из российских комитетов тоже не получила. Неприглашение „Борьбы" было определенно мотивировано Организационным Комитетом и в комментариях к уставу, и в комиссии по проверке мандатов членами Орг. Ком. (в том числе z). Комиссия вполне присоединялась к мнению Орг. Ком., за исключением заседавшего в ней бундиста, который, конечно, стоял за приглашение, хотя и заявил, что совершенно не знаком с этой группой. Вдруг, только что явившийся на с'езд (на второе заседание) второй южно-рабоченец (член. Орг. Ком.) заявляет, что вопрос о „Борьбе" для него—якобы новый, и требует пятиминутного перерыва, чтобы поговорить с товарищами. Пользуясь этим пятиминутным перерывом, в самом зале заседания, „к окошку" созываются все наличные члены Орг. Ком., и новый для южно-рабоченцев вопрос сразу, без всяких предисловий, ставится на голоса: „Кто за приглашение?"— Все, кроме одного представителя „Искры", который энергично протестует против подобного образа действий, находя его нелепым, незаконным. Другой представитель „Искры, Z, который только что в комиссии по проверке мандатов стоял за неприглашение, признает и законность действий и необходимость приглашения. Перерыв кончен; заседание продолжается. Все, кроме Акимова, энергично высказываются против приглашения группы „Борьба" (Плеханов, Мартов и др.). После закрытия прений по вопросу о „Борьбе" делегат „Южн. Рабоч." просит слова для заявления орг. ком. с целью повлиять на голосование. Бюро совещается. Об'являются обеденный перерыв. Во время этого перерыва назначается заседание орг. ком. (кем? с какой целью?—неизвестно, ибо на этот вопрос член, повещавший других (z), отвечает: „Не знаю; п р о с я т явиться и—все).

Происходит за сим бурное заседание. Указание на бестактность вмешательства Орг. Ком. в ход прений, на отмену императивных мандатов на прежние решения Орг. Ком. по этому вопросу, на дачу показаний в комиссии по проверке мандатов, протест против законности самых заседаний Орг. Ком. по подобным вопросам и уход одного искровца из сего заседания—ничто не действует. На третьем заседании с'езда южно-рабоченец от имени Орг. Ком. предлагает пригласить (хотя уже не группу „Борьба") Рязанова с правом совещательного голоса, под предлогом заботливости о судьбах будущего Ц. К. Из протоколов с'езда вы видите, какое угнетающее впечатление произвело это вмешательство, это навязывание Рязанова. Т.т. Плеханов, Ленин, особенно Мартов и др. единодушно высказались против образа действий Орг. Ком.; 42 голоса высказались против приглашения „Борьбы". Этот инцидент создал невозможную атмосферу внутри Орг. Ком., подорвал доверие к Z у многих членов с'езда, в особенности у членов организации „Искры" и наглядно показал к а к и е з и г з а г и и с ю р п р и з ы м о г у т в ы к и д ы в а т ь у ч р е ж д е н и я при преобладании подсиживающих южно-рабоченцев, готовых всегда подставить ножку бундистам, и между ними вибрирующих непоследовательных элементов. Южно-рабоченцы, поняв, что зарвались, поспешили загладить впечатление об'яснением с редакцией „Искры". Без об'яснений, в частном разговоре с тов. Мартовым Z заявил о выходе своем из организации „Искры". Частные заседания организации „Искры" по этому поводу обнаружили полное недоверие к вышедшему Z со стороны многих членов орга-

зации; даже у самых „мягких" возник вопрос о политическом доверии к Z. Организация решила потребовать об'яснения с Z. Это об'яснение состоялось, но большинство членов осталось неудовлетворенным им. В тесной связи с этим инцидентом выдвигался важный вопрос о составе будущего центрального аппарата. Никто из искровцев ни разу и не заикнулся об утверждении Орг. Ком.—центральным, но в оценке личностей, так или иначе заявивших себя как в этих инцидентах, так и в дебатах во время обсуждения программных и уставных вопросов, между искровцами обнаружились крупные разногласия. Однако, разногласия обнаружились не столько в оценке отдельных личностей, сколько в комбинировании их для состава Ц. К. Необходимо было, по нашему мнению, принять во внимание, что с роспуском организации „Искры", которая вынесла на своих плечах трудную работу по об'единению партии, с превращением газеты „Искры" в партийный орган, единственной гарантией преемственности в работе будущего центра с организацией „Искры" в принципиальной и практической устойчивости его мог быть лишь определенный состав Ц. К.

Поэтому мы настаивали на сохранении преемственности Ц. К. и русской организации „Искры", выставляя кандидатами испытанных опытных товарищей, что нисколько не исключало приема в Ц. К. наиболее дельных революционеров, без различия оттенков. Что такова была тактика искровцев, показывает история Орг. Ком. Нет ни одного факта, где бы искровцы заперли двери Орг. Ком. перед желающим работать дельным революционером. Всякий, знакомый с ходом кооптации в Орг. Ком., где искровцы преобладали, должен согласиться с этим. И, по-моему, величайшая ошибка тов. Мартова заключается в том, что он считал возможным не соблюсти этой преемственности, настаивая на составлении фундамента Ц. К. из элементов неустойчивых, присоединившихся, по тем или иным политическим расчетам, к силе, называемой „Организацией Искры", но не забывающих своих особых интересов, готовых всегда повернуть фронт. Что большинство членов организации „Искры" понимало дело именно так,—доказывает последнее решительное заседание организации „Искры", состоявшее из 16 человек (туда входила и вся группа „Освобождение Труда"). В виду отмены императивных мандатов, решения и голосования этой организации не имели формальной юридической силы, но все понимали огромное внутреннее значение этих голосований (они записывались председателем). Дело шло именно о сохранении преемственности. Важно отметить, что это решительное заседание происходило во время обсуждения устава, т.-е. когда „Бунд" и „Рабочее Дело" еще не ушли со с'езда (это было тотчас по обсуждении § 1) [8]). Сначала искровцы пробовали столковаться на выборах первоначальной тройки, так как по первоначальному плану, намеченному в комментариях к Tagesordnung, составленному т. Лениным и дополненному т. Мартовым, стояло: „С'езд выбирает трех в редакцию и трех в Ц. К. Эти шесть лиц, по большинству двух третей голосов, кооптируют нужное количество членов Ц. К. и Ц. О., а впоследствии кооптация происходит отдельно". Тов. Мартов настаивал на выборе такой тройки, где преобладали неустойчивые элементы, мы настаивали на двух (из трех) последовательных искровцах, работавших с основания „Искры" и до последнего времени, членов Организационного Ком. Все усилия сойтись на тройке не привели к соглашению. Идея комиссии *) была также отвергнута Ма товым. Тогда т. Ле-

*) Комиссия должна была по нашему мнению, состоять из трех или пяти авторитетных товарищей и произвести тщательный опрос лиц, намеченных в Ц. К., составить список лиц, способных и могущих работать в той или иной комбинации, и затем представить результат с'езду.

нин предложил сойтись на примирительном списке из пяти лиц: трех последовательных искровцев, из которых два члена Орг. Ком. и третий, исполнявший весьма важные функции при О. К., старый член организации „Искры"; одного лидера „меньшинства" (в описываемый момент оно было не меньшинством, а большинством), и одного южно-рабоченца, тоже члена Орг. Ком. Этот список об'единил большинство членов организации „Искры" и подал надежду на благополучный исход разногласий. За него было подано 11 голосов: четыре (преимущественно заграничные деятели и притом почти не участвующие в организационных делах) воздержались, но один голос был против. Это был голос тов. Мартова. И этого одного голоса было достаточно, чтобы соглашение между большинством членов организации «Искры» и меньшинством не состоялось, достаточно для того, чтобы рисковать явиться на выборы без определенного обще-искровского списка*) и подвергнуться, таким образом всем случайностям решения вопроса при участии «Бунда», „Рабоч. Дела" и других, не совсем надежных элементов. Дебаты и голосования по § первому устава показывают, что при разделении искровцев вопрос решается неустойчивыми или явно враждебными элементами. Получилось, следовательно, такое положение: тов. Мартов порвал свою внутреннюю связь с организацией «Искры» и вступил на путь „азартной игры в голосование". Будучи в меньшинстве в организации „Искры", он тем не менее диктовал ей условия. С Мартовым были: Аксельрод, Засулич, Старовер, Дейч, Троцкий и Фомин (все, кроме Мартова, люди, совершенно в стороне стоящие от организационной деятельности). Со стороны большинства были Плеханов, Ленин, Саблина и шесть делегатов**) российских комитетов, непосредственно приехавших с работы, весьма осведомленных не только с политической физиономией всех делегатов с'езда, но и со всеми комитетами и организациями, их пославшими. То же самое нужно сказать о секретаре редакции Саблиной, ведшей в течение трех лет огромную работу организационных сношений со всей Россией. Таким образом, выступала, с одной стороны, группа литераторов (хотя в большинстве своем и очень почтенных), с другой стороны—два видных вождя Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии и группа российских работников, старых членов организации «Искры». Итак, Мартовым дан лозунг: борьба из-за состава центра должна быть вынесена на с'езд. Это означало, что девять шансов из десяти были за получение в результате зигзагового кабинета. Вот почему, зная характер т. Мартова, неустойчивость его политической линии (вечное искание равнодействующей), неспособность отличать личное от политического и подверженность разным влияниям, ничего общего с истинной политикой не имеющими, видя, как оживлялась оппозиция неустойчивых элементов (см. речь Акимова, стр. 254, проток.) [10]) и в предчувствии драки между самими искровцами, мы увидели настоящую опасность в повороте т. Мартова. Опасность именно заключалась в том, что этой неустойчивостью т. Мартова должны воспользоваться все подсиживающие элементы и выставить Мартова своим лидером. За спиной Мартова мы ясно рассмотрели некоторые ниточки, к натягиванию которых об'единилось все то, что до сих пор

---

*) Среди делегатов на с'езде циркулировал список, составленный из излюбленных лиц меньшинства два южно-рабоченца, Z, лидер меньшинства и один забракованный огромным большинством искровцев член. Т. Мартов в то время еще находил этот список „позорным", а на с'езде Лиги утверждал, что этот список фальшивый. Факт тот, что тов. Дейч является в деле этого списка первоисточником. Он передал его одному из делегатов большинства тов. Гусеву. Пусть Дейч с Мартовым разрешат между собой вопрос, почему он оказался фальшивым. В этом списке были: Штейн, Егоров, Попов, Троцкий, Фомин [9]).

**) Вот перечень этих шести: Герц, Осипов, Дедов, Сорокин, Глебов, Павлович.

составляло неопасную оппозицию (борьбист) или скромно и молча сидело на скамьях с'езда и не чувствовало желания попадать под пули до сих пор дружно шедших искровцев. Совершенно неверно то мнение, что Ленин и шедшие солидарно с ним товарищи этими параграфами делали натиск на „непоследовательных“. Дело обстояло как раз наоборот: девять шансов было за то, что „мартовцы“ проведут на с'езде свой список, открывающий самые неожиданные перспективы (ни «Бунд», ни «Рабочее Дело» еще не ушли). Дело шло не о „вышибании“, а о сохранении каких-либо гарантий устойчивости и преемственности при кооптации новых членов в Ц. К., исходя из предположения, что первоначальные три или пять составятся при преобладании „мартовцев“. Если бы дело было не так, то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже не выгодно. Когда прошел слабым большинством пункт об единогласии, Мартов, стремился свести его на нет, и это ему удается проведением своей поправки, но ценою впутывания в дело кооптации верховного Совета*), сделав его важным фактором, влияющим на наличный состав партийных учреждений. В результате прений и голосования (при чем «Бунд» и рабочедельцы несколько раз поддерживали Мартова) получился ныне действующий устав, принятый в целом, как уже сказано, большинством в сорок два голоса. Какие бы недостатки он ни заключал, тем не менее в дальнейших работах нужно было считаться с ним, как с данным. Вы видите, что роль редакции по этому уставу есть не только роль литературной коллегии, а гораздо большая. Редакция посылает двух в Совет партии, а если пятый принадлежит к редакции, то и трех. Совет обладает огромной компетенцией, вплоть до влияния на личный состав центров. Редакция превращалась из семейно-литературного кружка в важный факт политического руководства в работе партии, и перед нами встал вопрос: удовлетворяют ли новой роли те семейно-патриархальные отношения, которые преобладали в старой редакционной коллегии, состоявшей из шести лиц? На этот вопрос ответ мог получиться двумя путями, или от самих членов этой коллегии, или посредством об'ективной оценки отдельных лиц, их деятельности и формы этой деятельности. Два редактора, Плеханов и Ленин, отвечают: „нет, не удовлетворяют“, и желают выбора редакции с'ездом, и этот ответ совпадает с мнением большинства искровцев, мысленно полученным вторым путем. Я говорю «мысленно», ибо на самих заседаниях с'езда производить эту оценку никто и не намеревался. Величайшей бестактностью сторонников т. Мартова было возбуждение вопроса не о выборах в редакцию (как значилось в примечаниях к Tagesordnung'у, известному всем редакторам задолго до с'езда, ибо задолго до с'езда т. Ленин заявил, что будет настаивать на выборе, если с'езд будет «искровский»), а об утверждении старой**). Бестактность эта, без сомнения, была совершена с целью поставить весь

*) См. стр. 278 протоколов с'езда [11]).

**) До с'езда на предварительных собраниях, как уже сказано мною обсуждался Tagesordnung, где в комментариях сказано: с'езд избирает трех в Ц. К. и трех в Ц. О. Никто не сомневался, кто будет избран в редакционную тройку. Тов. Мартов и его сторонники выдвинули вопрос об утверждении старой редакции только на с'езде, после разрыва в организации „Искры“ и ухода „Бунда“ и „Рабочего Дела“, т. е., когда они потеряли большинство. Совершенно противоречит действительности утверждение „сибирской делегации“, что, якобы, „утверждение редакции подразумевалось само собою“, как и вообще многие его утверждения, основанные не на фактах, а на выдумках, притянутых ad hoc для агитационных целей“ [12]). К числу таких же аргументов относится сказка о вчерашних экономистах, на которых, якобы, опирались Плеханов и Ленин.

вопрос на почву «обиды» (все ораторы, говорившие за утверждение, на этом и спекулировали; тогда еще не были изобретены принципиальные разногласия). Депутаты, стоявшие за выборы, действительно были поставлены в щекотливое положение. Не утверждая старой редакции, они как будто должны были наносить обиду тем, кто после выборов останется вне редакции. Таким образом, оба эти акта неминуемо, благодаря обывательской постановке вопроса, должны были получить самый острый характер*). Большинство, придавая мало цены обывательским аргументам так же, как и слезам, проливаемым вчерашними борьбистами (даже рабочеделец высказался за утверждение старой редакции) и южно-рабоченцами, а главное, видя под этими крокодиловыми слезами очень ясный политический расчет, решило вопрос по существу. Всем делегатам было прекрасно известно, что писателями, ведущими всю редакционную работу, были Мартов, Ленин и Плеханов. Все номера «Искры» были составлены либо Лениным, либо Мартовым Участие других лиц в этой работе близко к нулю. Количество статей, помещенных в «Искре» (за 45 номеров „Искры»), распределяются (приблизительно) так: Плеханов—24, Ленин—32, Мартов—39, Старовер—8, Засулич—6 и П. Аксельрод—4 за 3 года существования «Искры». (Ни одна из этих 18 статей невыбранных редакторов не была сколько-нибудь руководящей). Коллегия в полном своем составе ни разу за три года не собиралась. Волокита в разрешении вопросов, особенно вызывавших разногласия, была большая. Голоса делились три против трех, и положения создавались довольно безвыходные. Как известно, перед с'ездом был единогласно избран редакцией я, как седьмой, если придется во время с'езда решить спорный вопрос внутри коллегии. Какие сюрпризы в сфере политического руководства партией могли получиться в зависимости от того, какие элементы коллегии преобладали случайно в тот или иной важный момент жизни партии, показывает известный всем старым членам организации «Искры» „зигзаг" в сторону террора после выстрела Леккерта,—зигзаг, об'ясняемый экспансивностью натур Мартова и Засулич, майоризировавших Ленина. Только отчаянное сопротивление Плеханова, пославшего протестующее письмо в редакцию, спасло нашу партию от одного из „исторических" (или истерических) поворотов. Следы его вы найдете в № 21 «Искры». При всем восхищении нашем литературным талантом товарища Мартова мы, т.-е. большинство членов организации «Искры», не считаем его способным на самостоятельное политическое руководство. Его таланты самым продуктивным образом для партии могут, по нашему мнению, быть использованы лишь в сотрудничестве со строго политическими умами, каковыми являются, несомненно, Плеханов и Ленин. Поведение Мартова на с'езде лишь укрепило это убеждение. Никто и не думал предрешать вопроса, кого эта тройка кооптирует. Мы предполагали, что это дело именно этой работоспособной тройки—кооптировать так, как она найдет нужным и удобным; и ни разу ни товарищ Ленин, ни тов. Плеханов не дали ни малейшего повода думать, что кооптация, вообще, не произойдет. Мы знали, что П. Аксельрод по болезни уже несколько раз отказывался от редакторского кресла; мы знали, что были новые кандидаты в Ц. О. Разбирать этот вопрос с'езд не мог и не желал. Итак, в вопросе о выборах редакции большинство руководствовалось: 1) желанием самих (двух) редакторов, 2) заявлением

---

*) В результате такой постановки вопроса получился разрыв всяких личных сношений со стороны „меньшинства" с самыми близкими и много лет работавшими вместе товарищами. Тут ясно видно, что разделение предшествует „принципам" ибо принципиальные люди не обижаются, если их противники не избирают.

редакции по вопросу об утверждении «Искры» партийным органом, 3) своей собственной оценкой лиц в течение более, чем месяца, заседавших на с'езде (протоколы с'езда дают в этом отношении прочный критерий) и 4) оценкой предыдущей деятельности не только как писателей, но и революционеров, ведающих организационные дела (из всей редакционной коллегии они ведались только Лениным и Мартовым. Исходя из всего этого, с'езд обязан был поставить идейных руководителей партии в такие условия, когда каждый из редакторов являлся в коллегии самостоятельным, в одной ипостаси, если можно так выразиться. К удивлению нашему, товарищ Мартов перед выборами и после их заявляет, что он четверичен в лицах [13]), что выбор редакции есть недоверие и т. д. И это после того, как редакция при его содействии является не только литературной коллегией, а весьма важным партийным учреждением. Товарищ Мартов, чувствуя, что эта позиция, на которую становились и южно-рабоченцы, позиция, построенная на чувстве обиды— слаба, стремился вызвать политический мотив. Он декретирует с'езду следующий ультиматум: так как существующим уставом предоставлены права редакции влиять на Совет (как уже известно вам, тов. Мартов сильно потрудился над расширением прав Совета), а Совет может влиять на Ц. К., и так как только я, Мартов, плюс те члены, которые не будут выбраны, только мы одни можем гарантировать, будучи вчетвером против Ленина и Плеханова, благодетельность этого влияния,—с'езд должен посредством этой четверки майоризировать Ленина и Плеханова в коллегии: иначе я, Мартов, не желаю вступить в редакцию. С'езд 25-ю голосами против 2-х при 17 воздержавшихся отверг эту постановку вопроса и этим признал невозможность принимать такие ультиматумы, которые ставятся не до войны, а после об'явления борьбы между двумя частями искровцев из-за состава центров, когда борьба вынесена на с'езд, и только с'езд мог разрешить эту междоусобицу. По мнению т. Мартова, с'езд должен был на слово поверить ему, не имея никаких других данных, что влияние одних лиц будет лучше влияния других известных. С'езд предпочел решить этот вопрос на основании данных, у него имевшихся. Он избрал ответственными редакторами т. т. Плеханова, Ленина и Мартова. Т. Мартов, как известно, снова отказался от вступления в редакцию, где он, якобы, майоризирован Плехановым и Лениным. Эта декларация мало кого убедила, разве только тех, кому она была на руку. Говорить после невыборов, о том, что т. т. Старовер, Засулич и Аксельрод, не давшие ни разу в продолжение более, чем месячных заседаний и дебатов по всевозможным вопросам партийной жизни, об'ективных доказательств своего особого направления, выгодно отличающегося от направления Плеханова и Ленина, должны во что бы то ни стало войти в редакцию, говорить это собранию людей, знакомых лично с вопросом о том, кто вел всю организаторскую работу (о литературной работе я здесь не говорю), кто занимался подбором и распределением партийных сил, говорить это, взявши под подозрение двух вождей партии, Плеханова и Ленина, говорить это, опираясь на одобрительные взвизгивания вчерашних борьбистов, экономистов, южно-рабоченцев и обиженных кандидатов в центре,—это значило, проиграв междуусобную битву (им же, Мартовым, об'явленную), дать лозунг врагам призвать к себе на помощь коалицию всей разношерстной оппозиции.

При выборах в Ц. К. составилась очень „компактная" оппозиция. Вся она (в том числе и рабочедельцы) отказалась от голосования, а невыбранные редакторы заявили письменно свою солидар-

ность с нею. Тем не менее были избраны сплотившимися искровцами три надежных члена в Ц. К. (все три старые члены организации „Искры"), из них два из Орг. Ком. и один агент. Орг. Ком., исполнявший весьма важные партийные функции. Оппозиция стремилась всеми силами дискредитировать выборы. Южно-рабоченец (сам себя об'явивший кандидатом в центр)*), стремился просто сорвать с'езд и об'явить выборы незаконными (хотя они и прошли большинством голосов). Большинство российских делегатов, получив этот урок „политической" борьбы внутри партии из за состава центров, было удивлено, разочаровано и полно негодования. В самом деле: если бы у т.т. Засулич, Аксельрода и Старовера и были серьезные разногласия с т.т. Лениным и Плехановым, о которых они почему-либо считали ненужным ни говорить, ни писать, то простое чувство партийного такта, казалось нам, не должно бы было позволить так скоропостижно после невыбора стать в позу спасителей партии от вредного влияния Плеханова и Ленина. Получилось в высшей степени некрасивое впечатление. Нелепость положения Мартова и К° била в глаза. Если имелись принципиальные разногласия, то смешно претендовать было на то, что находящиеся в скрытом состоянии принципы не получили санкции с'езда. Если этих разногласий не было, то странной являлась претензия на редакторское кресло. Только Рязанов, казалось нам, мог делать из-за этого скандал. Никому не приходило еще на мысль, что тот-час после с'езда, без всяких раз'яснений принципиального свойства, будет об'явлена стачка литераторов, т.-е. литературный бойкот партийного органа, несмотря на предложение редакции высказать свои принципиальные разногласия; что будет вестись самая широкая агитация против центральных учреждений партии под флагом борьбы за попранную, якобы, самостоятельность. Ц. К.; что литераторы, во главе недовольных выборами в центры «элементов», будут стараться посредством заграничной кружковщины **) перерешать решения с'езда, пользуясь неокрепшей позицией Ц. К. и даже именно стараясь произвести поистине дворцовый переворот до его укрепления. Кто знает русские условия, тот, конечно, знает и то, до какой степени затруднительна бывает действительно революционная работа, когда появляются раздоры по комитетам, как легко нескольким энергичным демагогам производить смуту, пользуясь неосведомленностью товарищей, искажая, извращая и преувеличивая факты, разжигая притаившуюся, в виду предыдущей дружной работы искровцев, оппозицию малосознательных элементов. Никто не предполагал, что можно рвать партию, лишать с'езды всякого нравственного престижа (см. брошюру Мартова „Еще раз в меньшинстве", примечание), изобретать несуществующие разногласия, вести тактику провокации центральных учреждений с целью использовать в агитационных видах всякий отпор, делаемый этими учреждениями анархическому индивидуализму,—все лишь потому, что несколько литераторов будут не редакторами и членами Совета, а сотрудниками. Непонятно, какой майоризации боялся Мартов, будучи в тройке с Плехановым и Лениным, ибо никто не третировал до сих пор Плеханова так, как теперь третируют его лидеры „мартовцев" (именно, чтобы доказать, что Мартов прав), т.-е. пешкой в руках Ленина (см. доклад Троцкого сибирскому союзу ***). Опыт редакции вовсе этого не доказывал. Личность

---

*) Попов.

**) Высшим проявлением ее был с'езд Лиги.

***) Насколько этот основной довод тов. Мартова был нелеп и выдуман ad hoc показывает кооптация т. Плехановым, во избежание раскола т.т. Старовера, Засулич и Аксельрода, вопреки мнению на этот счет тов. Ленина, после чего „диалектический"

Плеханова тоже никогда не позволяла его так рассматривать; наоборот, в очень многих важных вопросах Мартов был с Лениным против Плеханова, и Плеханов с Мартовым—против Ленина. Почему Мартов не согласен был отстаивать свой оттенок иначе, как вооруженный „бюрократически“ большинством голосов, которое дадут ему спасенные им, невыбранные члены редакции, а не вооруженный силой убеждения, при полной возможности, находясь в редакции, всегда апеллировать к общественному мнению партии и подготовлять свой «переворот» (произведя его предварительно в головах) к третьему с'езду, вооружившись материалом редакторского опыта, в изобилии дающего доказательства «зловредности» Ленина и Плеханова? Тут еще раз сказалась политическая (историческая) непоследовательность Мартова: желание отстаивать свободу идей, вооружаясь параграфами и так называемым бюрократическим уставом. Оппозиционное меньшинство всегда было и будет во всякой партии. Но нелепо было со стороны Мартова выступать на защиту оппозиции от фантастических угнетателей, когда сам Мартов принцип этой оппозиции не разделяет, повидимому, и сейчас еще не вполне и усвоил. Еще нелепее стараться закрепить организационно все то, что может усиливать оппозицию за счет организованности партии. Нелепо это еще и потому что, Мартов не опирался, по его словам, ни на какой опыт (см. брошюру. „Еще раз в меньшинстве“, примечание), а «чертил по белой доске». «Чертить» можно, но это чрезвычайно больно отзывается на тех, кто занят работой не только за чайным столом. Опыт был. Что такое была та работа, которую в течение трех лет производила организация „Искры“? А разве Организационный Комитет не представлял известного опыта? Разве сами члены Орг. Ком. не сознавали, что сепаратные интересы, обнаруживаемые некоторыми членами, были тормозом дружной работы во временном центре, называемом Орг. Ком.? Разве дебют Орг. Ком. на с'езде, где он по случайным причинам явился в составе, как будто нарочно подобранном для иллюстрации политики капризов, не явился экспериментом очень поучительным? Разве самый с'езд, где в течение полутора месяцев каждый депутат, каждый совещательный голос мог претендовать на внимание товарищей и обнаруживать свою линию, не был огромным опытом? Опыт был. Этот опыт предостерегал нас от плавания без руля и без ветрил по направлению равнодействующей всех ветров и всех течений. Мы полагали, что для достижения намеченных целей, наиболее приближающихся к идеальным, нужно твердо держать руль и сообразоваться с компасом. Только тогда не страшен нам и боковой ветер; только тогда мы сумеем его использовать и достичь того, чтобы и он надувал наш парус, приближая нас к желанной цели. По нашему мнению, опыт именно указывает, что нужны стойкость, выдержанность, крепкая организованность центров. Партия—не лошадь, как остроумно выразился один из делегатов с'езда, ее нельзя без вреда для всей партийной деятельности, по прихоти того или иного наездника, чертившего «на белой доске», поворачивать то туда, то сюда, руководствуясь имеющими быть изобретенными и имеющими быть обоснованными, но никому неизвестными принципами [15]).

П. А. Красиков.

сибирский делегат, которому диалектика не позволяет оставлять без изменений (ибо „все течет“) даже собственных писаний, которые он называет „человеческими документами“ при помощи таинственного незнакомца Иосифа Гуттенберга [14]), переделал свой доклад так, что главный тезис его „документа“, „Плеханов—игрушка в руках Ленина“,—повторяемый на разные лады, исчез в буквальном смысле этого слова из переизданного доклада. Даже более, он пришел к „антитезе“, раскланиваясь по адресу т. Плеханова. Удобная эта диалектика.

ПРИМЕЧАНИЯ К „ПИСЬМУ“ П. А. КРАСИКОВА

Для полноты картины, как она рисуется в „Письме“ Павловича, редакция присоединяет к этому письму ряд нижеследующих примечаний, представляющих, главным образом, выписки из протоколов 2-го с‘езда, которые (протоколы), быть может, еще не скоро будут переизданы с нелегального издания (представляющего сейчас большую библиографическую редкость). Как самое „Письмо“, так и эти примечания должны отчасти служить дополнением к той картине 2-го с‘езда, которую читатель найдет в брошюре Ленина „Шаг вперед, два шага назад“, перепечатанной с сокращениями в его книге „За 12 лет“.

1) Докладчик по вопросу „О месте Бунда в партии“ Либер (Гольдман) сам откровенно заявлял, что он сторонник федерации. Обсуждению 2-го с‘езда партии был представлен выработанный пятым с‘ездом Бунда устав. Наиболее спорными пунктами этого устава явились следующие:

§ 2. Бунд есть социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя.

§ 3. В. Ц. К. партии, заграничный комитет партии и на с‘езды партии Бунд избирает свое представительство, выступающее, как таковое, в тех вопросах, на которые простирается компетенция с‘ездов Бунда. Способ представительства Бунда должен быть основан на принципах, одинаковых для всех частей, входящих в партию.

Примечание. Организации местные и районные не признаются в этом отношении отдельными частями.

§ 5. Бунд имеет свои с‘езды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, и свой Центральный Комитет.

Примечание (к § 8). При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других входящих в партию частей требуется согласие Ц. К. Бунда.

§ 12. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы лишь с взаимного согласия входящих в партию частей.

Примечание. Организации местные и районные не признаются в этом отношении частями партии.

Содокладчик Мартов подчеркивал, что „представители Б. представляют себе настоящий с‘езд учредительным, потому что они говорят о договоре между двумя частями партии“. Усматривая в основе проекта бундовского устава тенденцию представительства национальных интересов еврейского пролетариата, он в своем содокладе гововорит: „Национальные различия, в виду общих классовых интересов, играют подчиненную роль. И какой вид приняла бы наша организация, если бы, например, в одной и той же мастерской рабочие разных национальностей думали прежде всего о представительстве своих национальных интересов“ (прот. 2-го с‘езда, стр. 61). По по-

воду § 3 он считает более уже последовательным „Ц. К. составить из представителей всех организаций, при чем Ц. К. превратился бы в учреждение, весьма сходное с польским сеймом, где veto одного лишало весь сейм возможности принять какое-либо решение". Относительно § 5 Мартов говорит, что этот параграф „идет вразрез со всяким стремлением к централизации партии. Ставить Ц. К. Бунда, как преграду между Ц. К. партии и местными группами партии это значит вносить в партию страшную дезорганизацию". § 12,— по мнению Мартова,—очень ясно говорит, что мы имеем дело с договором, потому что, принимая этот устав, мы сможем только предлагать изменения в нем, входить по поводу этих изменений в соглашение с Бундом, но не отменять этого устава (прот. с'езда, стр. 61—62).

Около вопроса „автономия или федерация" возгорелись страстные прения. О той раскаленной атмосфере, которая получилась в процессе этих прений, свидетельствует, между прочим, эпизод с истерическим требованием Либера о занесении в протокол факта „потворства" со стороны председателя (Плеханова) Троцкому, который совершил по мнению Либера, грубую бестактность своим заявлением: „К резолюции, предложенной тов. Мартовым, нахожу не бесполезным добавить, что под резолюцией подписаны имена товарищей-евреев, которые, работая в российской партии, считали и считают себя также представителями еврейского пролетариата. Напрасно Плеханов старался умиротворить разволновавшегося представителя Бунда. „Что, собственно, бестактно?—с изумлением спрашивает Плеханов.—То ли, что он (Троцкий) упомянул о своем еврейском происхождении, он указал, что считает себя представителем и еврейского пролетариата?" Либер все-таки настаивает на голосовании вопроса о том, тактично или нетактично заявление Троцкого.

С'езд по этому поводу выражает доверие своему президиуму и переходит к окончательным делам (Прот. с'езда, стр. 63—64).

Против позиции Бунда резко высказываются почти все остальные члены с'езда. Даже Брукэр (сестра Акимова—Лидия Махновец), представлявшая вместе со своим братом крайний правый фланг с'ездовцев, и та не согласна с Бундом. «Бунд,—говорит она,—как единственное доказательство необходимости организовать еврейский пролетариат особо, приводит особенности его правового положения. Думаю, что именно эта особенность его правового положения должна заставить желать самого тесного сближения еврейского пролетариата с пролетариатом других наций» (стр. 74). В свою очередь и постоянная, так сказать, „придворная" искровская оппозиция—рабочедельцы, устами Мартынова, спешат отмежеваться от Бунда. «Бунд,— говорит Мартынов,—судя по проекту устава, предложенного нам, „выделяет и отстаивает" именно национальные интересы пролетариата... «В виду такого характера проекта „устава" Бунда, я вполне разделяю резолюцию, предложенную товарищем Мартовым, но я считаю ее недостаточной. Мы должны бороться против вредной тенденции Бунда к национальному обособлению еврейского пролетариата, но не против Бунда вообще" (стр. 69).

Представители Бунда попытались сторговаться со с'ездом на более скромном, не столь выпукло выявлявшем федералистические тенденции, проекте устава и все усилия употребляли к тому, чтобы резолюция Мартова не ставилась на голосование, а новый проект был тут же принят с'ездом, как минимум, ниже уровня которого компромисс со стороны Бунда не может иметь места. Но с'езд принимает резолюцию Мартова всеми 45 голосами его против 5

голосов Бунда, и отвергает большинством 41 голоса против тех же 5 предложение делегатов Бунда о немедленном рассмотрении по пунктам внесенного проекта устава.

Резолюция Мартова гласит так:

„Принимая во внимание: а) что теснейшее об'единение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает, безусловно, необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения, во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта,—второй с'езд Росс. Соц. Дем. Раб. Партии высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего, вообще, и в частности, еврейского пролетариата в России и потому решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе всякую возможность федеративных отношений между Российской партией и Бундом, как ее составной частью, с'езд устанавливает, что Бунд занимает в единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава. В виду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда „Устав", как проект части общепартийного устава, с'езд, относя обсуждение его к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

2) При обсуждении проекта программы в роли оппозиции оказались рабочедельцы—Мартынов и Акимов. Первый выступил с огромным „длинным" докладом (как охарактеризовал его речь секретарь, ведший протоколы, см. стр. 344 прот.), в котором он не поскупился на цитаты, в том числе и на французском и на немецком языках, с многочисленными ссылками на Маркса и Энгельса, с яростными нападками на искровцев, вообще, а в особенности на Ленина за его книгу „Что делать?", которая когда-то так больно ударила по „рабочедельству", и все это для того, чтобы, как сказал Мартов в своей речи, свести все дело к вставке слова „сознательность" и заменить слово „эксплоататоры"—„эксплоатацией". Еще насмешливее о претенциозном выступлении Мартынова отзывается Троцкий: „говоря словами Щедрина, он (Мартынов) обещал большое кровопролитие, а вместо того чижика с'ел".

В гораздо меньшей мере теоретически подкованный, более бесхитростный и часто вызывающий своей непосредственностью гомерический смех вокруг, другой рабочеделец—Акимов (Махновец) идет гораздо дальше своего союзника и дает в руки оппонентам достаточные поводы выступать с громовыми речами против оппортунистических уклонов его мысли: Плеханов подхватывает идеи Акимова о несостоятельности так называемой теории обнищания („по мнению тов. Акимова,—говорит он,—если я его правильно понял, положение рабочего класса в буржуазном обществе не только не ухудшается абсолютно, но не ухудшается и относительно"), что дает ему повод со свойственным ему блеском при анализе теоретических вопросов марксизма направить свою критику через голову доброго Акимова против буржуазных экономистов (напр., Гиффена или Леруа-Болье), по совершенно понятным причинам, отрицающих

теорию обнищания, а также против Бернштейна, ушедшего с таким же отрицанием далеко вправо от революционной социал-демократии. Троцкий подхватил, так сказать, на зубок, отрицательное отношение Акимова к идее диктатуры пролетариата: „Мы не можем достаточно энергично подчеркивать момент пролетарской диктатуры,—говорит он,—„ибо самые реформы, представляющие не свободное политическое творчество, а уступки господствующих классов в его пользу, делаются лишь под угрозой социальной революции“... „Его (Акимова) пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс, противопоставление которых его так смущает—будут наиболее близки к отожествлению. Диктатура пролетариата будет не конспираторским „захватом власти“, а политическим господством организованного рабочего класса, составляющего большинство нации. Отрицая диктатуру, тов. Акимов впадает в обычный социал-реформизм“ (Прот., стр. 132).

Даже Мартынов не вытерпел и поспешил, на всякий случай, отмежеваться от позиции своего слишком откровенного и недостаточно дипломатичного союзника: „До этого пункта (т.-е. до утверждения принципа приоритета саморазвивающегося рабочего движения над идеологией рабочего класса, привходящей к нему „извне)“ мы сходимся во взглядах с тов. Акимовым. Но выводы мы делаем из них различные. Я не отрицаю ни теории обнищания, ни диктатуры пролетариата. Это я считаю необходимым подчеркнуть“ (Прот. с‘езда, стр. 127).

Таким образом, „большое кровопролитие“, затеянное Мартыновым, носило явный характер выпада его против тезиса Ленина о роли „стихийности“ и „сознательности“. Мартынов воспользовался с‘ездом как бы для того, чтобы свести „личные счеты“ с ненавистным ему автором „Что делать?“)*

Никто тогда еще не подозревал, что не пройдет и года, как главный теоретик из „Рабочего Дела“ получит полный реванш над своим исконным врагом и станет инспиратором и властителем дум в редакции новой плехановско-мартовской меньшевистской „Искры“. Никто не предвидел, что именно под знаком мартыновщины и акимовщины поплетутся впоследствии многие столпы меньшевизма,—пойдут как угодно далеко,—и до преклонения перед стихийностью рабочего движения, требующего, дескать, „ликвидации“ подполья, и до социал-предательства в период империалистической войны, и даже до активного союза с белогвардейщиной, разделяя с этой последней жгучую ненависть к диктатуре пролетариата, которая волею революционных судеб стала в России действительностью. Если бы Акимов мог тогда, в лето 1903-е от Р. Х., все это предвидеть, он имел бы полное право бросить в лицо и Мартову и Плеханову насмешливую французскую поговорку: rira bien, qui rira le dernier. Но в данный момент, на 2-м с‘езде, ни Мартынов, ни Акимов не могли еще чувствовать себя именинниками. Возражают Мартынову по поводу его попытки с негодными средствами использовать „перегибы палки“ Лениным в „Что делать“? и Мартов, и сам Плеханов, который выступает с такого рода отповедью ему: „Прием тов. Марты-

*) Один из свидетелей кулуарных эпизодов, а именно т. Гусев (Драбкин) вспоминает сценку, как Владимир Ильич, увидя Мартынова, выразил попытку приветливо поздороваться с ним. Но тот, заложивши руки назад, с видом отчаянного бреттера, процедил сквозь зубы: „У нас с вами еще не кончены личные счеты“.. Владимиру Ильичу ничего другого не оставалось, как только пожать плечами и брезгливо отвернуться от странного чудака... По поводу этого рассказа хочется сказать: si non e vero e ben trowatto (если это и неправда, то хорошо придумано).

нова напоминает мне одного цензора, который говорил: „дайте мне „Отче наш“ и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу, и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить“. Но все упреки, направленные против этой злополучной фразы, и не одним товарищем Мартыновым, а многими и многими другими основаны на недоразумении. Тов. Мартынов приводит слова Энгельса: „Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения“. Тов. Ленин также согласен с Энгельсом, а если бы он не был согласен с ним, то его, действительно, следовало бы повесить. Но ведь слова Энгельса—общее положение. Вопрос о том, кто же формулирует впервые это теоретическое выражение. Ленин писал не трактат по философии истории, а политическую статью против экономистов, которые говорили: „мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи „революционной бациллы“. Последней запрещено было говорить что-либо рабочим именно потому, что она—„революционная бацилла“, т.-е., что у нас есть теоретическое сознание. Но если вы устраните „бациллу“, то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливыми к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то увидели бы, что он именно это и говорит. Так, говоря о профессиональной борьбе, он развивает ту же самую мысль, что широко социалистическое сознание может быть внесено только из-за пределов непосредственной борьбы за улучшение условий продажи рабочей силы“ (Прот., стр. 123). Так говорил когда-то Плеханов, еще не имевший поводов быть «несправедливым“ по отношению к Ленину, с которым он не собирался, по его остроумному выражению, „разводиться“, как разводились некогда со своими женами наполеоновские маршалы в угоду своему принципалу, и вряд ли на точке зрения Мартынова стоял тогда и Мартов. Все это не помешало, однако, меньшевистскому автору „Истории Российской Социал-Демократии“ под редакцией Л. Мартова излагать дело так, что в своей книжке „Что Делать?“ Ленин лишь „обобщил и возвел в принцип специфические условия развития русской социал-демократии, зародившейся в кружках буржуазной (по происхождению) интеллигенции в стороне от рабочего движения“, при чем „игнорируя ту взаимозависимость, которая существует между классовой борьбой пролетариата в самых начальных ее стадиях и движением мысли в той революционно-демократической среде, из которой „извне“ вливались в пролетариат оплодотворяющие его движение идеи, Ленин строил схему, которая по существу своему более годилась для санкционирования политики партии социалистов-революционеров, чем политики социал-демократической партии“ *). Как ни конфузливо и как ни косноязычно все это сказано (видно, раскрадываться и заметать свои старые „грехи“ мысли не так-то легко), но одно во всяком случае ясно: „ты победил, галилеянин“. то, бишь, тов. Мартынов вкупе с тов. Акимовым“.

Из дальнейших прений по прогаммным вопросам, проходивших дружно под знаком майоризации, огромным большинством оппозиции из Мартынова, Акимова, Брукэр и Либера (за исключением только вопроса о равноправии языка, поднятого Либером, при чем позиция Либера была поддержана кавказскими депутатами и привела во время голосования к мертвой точке—разделения голосов поровну) следует отметить лишь один интересный, в теоретическом и революционно-психологическом отношении, момент.

В разгар вермишельной работы с‘езда, оперировавшего с бесконечным числом мелких поправок к проходимым в чтении пунктам.

*) „История Российск. соц.-демократии“, стр. 75.

программы. Посадовский вдруг внес очень серьезную мысль: „заявления, сделанные здесь за и против поправок, представляются мне спором не из-за деталей, а серьезным разногласием; несомненно, что мы не сходимся по следующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии (курсив подлинника). Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии (Восклицание: И неприкосновенность личности?). Да, и неприкосновенность личности"...

По поводу этой мысли Плеханов выступил со следующим выражением своего мнения:

„Вполне присоединяюсь к словам тов. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, кото, ый может быть назван основным принципом демократии, именно принципу, гласящему, что salus populi suprema lex*). В переводе на язык революционера это значит, что успех революции—высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались-бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: salus rewolutiae suprema lex**). И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—своего рода chambre introuvable,—то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели" (прот., стр. 169).

Золотые слова, вызвавшие, по словам протокола, такую сценку: рукоплескания, на некоторых скамьях шиканье, голоса: „вы не должны шикать". Плеханов: „Почему же нет? я очень прошу товарищей не стесняться". Егоров встает и говорит: „раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать".

О, если бы тогдашняя плехановская точка зрения, высказанная в период прохождения его политической мысли через кульминационную точку ее революционной зрелости, осталась господствующей среди социал-демократии и впоследствии! Тогда бы, пожалуй, не было в ее рядах и учредиловцев, этих рыцарей „священных прав демократии", об'явивших революционному пролетариату войну не на жизнь, а на смерть. Не мешало бы, впрочем, кстати сказать, вспомнить, что salus revolutiae suprema lex, и тем некоторым нашим

*) Благо народа есть высший закон.
**) Благо революции—высший закон.

коммунистам, которые никак не могут взять в толк, зачем это Ленин „сдает свои позиции“, идя на уступки и перед капитализмом.—согласен, дескать, даже и на концессии,—и перед „мужиком“,—свободно, мол, торгуй на рынке своим хлебом и т. п.

3) Подробный анализ прений по вопросу о § 1 устава читатель найдет в книжке Вл. Ильина „За 12 лет“, а именно, в перепечатанной там брошюре „Шаг вперед, два шага назад“ (с сокращениями)—в главе: Параграф первый устава. Здесь будет достаточно, для характеристики позиций спорящих сторон, привести из протоколов с‘езда, с одной стороны, основные речи Аксел рода и Мартова, а с другой—Плеханова и Ленина. В этих речах отразились все главные моменты различия во взглядах двух лагерей:

Аксельрод. Я думаю, что нам нужно разграничить понятия—партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно. Вспомним о строго конспиративных и централистических организациях прошлого „Земля и Воля“ и „Народная Воля“. Вокруг „Земли и Воли“ группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии. „Народная Воля“ была еще разборчивей, но и она придерживалась того же принципа. Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации. И в самом деле, возьмем, например, профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом. Если мы примем формулу Ленина, то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии, Мы создаем, конечно, прежде всего, организацию наиболее активных элементов партии,—организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя и, быть может, не совсем активно примыкающих к этой партии.

Речь Мартова. Вопрос, на котором мы остановились, чрезвычайно важный. Чем более мы хотим быть революционерами, тем резче мы должны отметить то, о чем говорил тов. Аксельрод. Мы являемся сознательными выразителями бессознательного процесса. Партийная организация—маховое колесо, приводящее в движение работу парт и в нашем смысле. Вопрос о правах и обязанностях разрешается заявлением: „вот вам работа“. Я не боюсь „заговорщической“ организации. Право у члена партии, по нашему проекту, одно—доводить до сведения центра свои мнения и желания. Другое право—составлять общественное мнение, и чем больше „заговорщики“ будут считаться с этим мнением, тем менее опасность, что поднимется вопрос о „правах“. Пусть будут множественные организации—они должны расти. Они не могут вступить в партийную организацию, но без них нельзя обойтись в партии. Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет об‘являть себя членом партии. Заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия.

Речь Плеханова. Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мыслей, я находил, что „то сей, то оный на бок гнется“. Но чем более говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина. Весь вопрос сводится к тому, какие элементы могут быть включены в нашу партию. По проекту Ленина членом партии может считаться лишь человек.

вошедший в ту, или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем заключаются эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему не смогут? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования об'ективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые не захотят, то их нам и не надо. Здесь сказали, что иной профессор, сочувствующий нашим взглядам, может найти для себя унизительным вступление в ту или другую местную организацию. По этому поводу мне вспоминается Энгельс, говоривший, что когда имеешь дело с профессором, надо заранее приготовиться к самому худшему. (Смех). В самом деле, пример крайне неудачен. Если какой-нибудь профессор египтологии на том основании, что он помнит наизусть имена всех фараонов и знает все требования, которые пред'являлись египтянами быку Апису, сочтет, что вступление в нашу организацию ниже его достоинства, то нам не нужно этого профессора. Говорить же о контроле партии над людьми, стоящими вне организации, значит играть словами. Фактически такой контроль неосуществим. Аксельрод был неправ в своей ссылке на семидесятые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии семидесятых годов, а избегать ее. Сторонники проекта Мартова говорят, что право называть себя членом партии имеет большое нравственное значение. Но я с этим не могу согласиться. Если где и полезно вспомнить пример семидесятых годов, то именно в этом случае. Когда Желябов заявил на суде, что он не член Исполнительного Комитета, а только его агент четвертой степени доверия, то это не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета. То же будет и теперь. Если тот или другой скажет, что он сочувствовал нашей партии, но не принадлежал к ней, потому что, к сожалению, не мог удовлетворить всем ее требованиям, то ее авторитет только возрастет.

Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалить их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма.

Речь Ленина. Я прежде всего хотел бы сделать два замечания частного свойства. Во-первых, по поводу любезного (говорю это без иронии) предложения Аксельрода „сторговаться". Я охотно последовал бы этому призыву, ибо вовсе не считаю наше разногласие таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем. Но раз уже дошло дело до выбора из двух формулировок, то я никак не могу отказаться от своего твердого убеждения, что формулировка Мартова есть ухудшение первоначального проекта, ухудшение, которое может принести партии, при известных условиях, не мало

вреда. Второе замечание относится к тов. Брукер. Совершенно естественно, что желая повсюду провести выборный принцип, тов. Брукер принял мою формулировку, которая одна только определяет сколько-нибудь точно понятие члена партии. Мне непонятно поэтому удовольствие тов. Мартова по поводу согласия со мной тов. Брукер. Неужели тов. Мартов в самом деле за руководство для себя признает обратное тому, что говорит Брукер, без разбора его мотивов и аргументов?

Переходя к существу дела, я скажу, что тов. Троцкий совершенно не понял основной мысли тов. Плеханова и поэтому обошел в своих рассуждениях всю суть вопроса. Он говорил об интеллигентах и рабочих, о классовой точке зрения и о массовом движении, но не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена партии. Если бы он задал себе этот вопрос, он легко увидал бы, что моя формулировка суживает это понятие, а Мартовская расширяет, отличаясь (по верному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно, раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а тов. Троцкий и не подумал сделать это. Да и нельзя доказать этого, ибо все знают, что таких элементов немало, что есть они и в рабочем классе. Охрана твердости линии и чистоты принципов партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная в своем единстве партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста партии. Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги «Что делать»?, когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возражение делали мне и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых конспиративных и самых узких и кончая сравнительно широкими и «свободными» (lose). Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь, и работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию. Посмотрите, в самом деле, какие выводы получает т. Троцкий в силу основной своей ошибки. Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались, и все рабочие заявили о своей непринадлежности к партии, то странной была бы наша партия. Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение тов. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-нибудь опытного революционера могло бы радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши, что мы выполняем свою задачу—законспирировать более или менее узкий круг руководителей и привлечь к движению возможно более широкую массу.

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно, отграничить болтающихся от работающих. И едва ли

найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка тов. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии; тов. Мартов сам должен был признать это с оговоркой—„если хотите, да", сказал он. Именно этого и не хотим мы. Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем, чтобы один болтающийся имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова. Мне возражали, что прав-то членам партии мы никаких не даем, и поэтому и злоупотреблений быть не может. Такое возражение несостоятельно, если у нас не указано, какие именно особые права получает член партии, то заметьте, что у нас не приведено никаких указаний об ограничении прав членов партии. Это—во-первых. А во-вторых, и это главное, независимо даже от прав, нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию, и партия ответственна за всякого члена. При наших же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической сорганизованности, было прямо опасно и вредно давать не членам организации право членства и возлагать ответственность на партию за таких людей, которые в организацию не входят (и не входят, может быть, умышленно). Тов. Мартов приходил в ужас по поводу того, что на суде не член партийной организации не вправе будет, несмотря на свою энергичную работу, назвать себя членом партии. Меня это не пугает. Серьезным вредом было бы, наоборот, если бы и на суде заявил себя с нежелательной стороны человек, который называет себя членом партии, не принадлежа ни к одной из партийных организаций. Невозможно опровергнуть, что такое лицо работало под контролем и руководством организации, невозможно именно в силу расплывчатости термина. Фактически—в этом не может быть сомнения—слова „под контролем и руководством" приведут к тому, что не будет ни контроля, ни руководства. Никогда Ц. К. не в силах будет распространить настоящий контроль на всех работающих, но не входящих в организации. Наша задача—дать фактический контроль в руки Ц. К. Наша задача—оберегать твердость, выдерживать чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше—и поэтому я против формулировки Мартова.

4) Два рабочедельца—Мартынов и Акимов и борьбист—Махов.

5) После провала членов конференции в апреле 1902 г., состоявшейся в Белостоке, и последовавшего в виду этого полного паралича выбранного конференцией Организац. Комитета, новый с'езд состоялся по инициативе „Искровского" Петербургск. Комитета в начале ноября 1902 г. в Пскове. На этот с'езд были приглашены представители организаций, принимавших участие и в Белостокской конференции. Явились: представитель от „Южного Рабочего" Е. Левин (на 2-м с'езде фигурирует под псевдонимом Егоров), представитель „Искры" И. И. Радченко и от Петербургского Комитета д-р. В. П. Краснуха. Представитель от Бунда, по неизвестным причинам не явился на с'езд. Тем не менее остальные из с'ехавшихся решили избрать новый О. К. из трех представителей присутствовавших на с'езде организаций с правом кооптации новых членов.

Были избраны от Питера—Краснуха, от „Искры"—И. Радченко и от гр. „Южного Рабочего"—Е. Левин. Затем путем кооптации были введены в О. К. еще следующие члены: Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, П. Н. Лепешинский, П. А. Красиков (Павлович) и „Семка" *). В мартовской „Истории С.-Демократии" состав О. К. определяется неточно. Там говорится: в состав Орг. Ком. вошли „искровцы": Г. Кржижановский, Е. М. Александрова, Ф. Ленгник, П. Красиков, представитель Петербургского Комитета А. Краснуха, представители „Южного Рабочего"—Е. Левин и В. Н. Розанов и делегат Бунда К. Портной" (стр. 69 назв. книги). Если говорить о первоначальном составе О. К., то оно не полно (пропущены, напр., П. Лепешинский и И. Радченко); если считать, что П. Лепешинский и И. Радченко выбыли из строя сейчас же после конференции (были арестованы 4 ноября 1902 г.), то не следует в числа членов О. К. включать и д-ра Краснуху (только инициал его имени не А, а В—Владимир), который тоже был арестован 4 ноября 1902 г. и выбыл из строя. Что же касается Александровой (на 2 с'езде—Штейн) и Розанова (на 2 с'езде—Попова) то они вошли в О. К. много позднее после образования его.

6) Из семи „искровских" членов О. К., бывших в нем с основания—трое были арестованы сейчас же после конституирования О. К. и кооптации его (И. И. Радченко, П. Лепешинский и Краснуха). Бундист—К. Портной, „один южно-рабоченец" В. Н. Розанов (Попов), второй южно-рабоченец, приехавший через день после открытия с'езда—Е. Левин (Егоров) и „один случайный член"—повидимому, Роза Гальберштадт (Фишер), оказавшая О. К. ценные услуги по переходу и по транспорту через границу.

7) Под буквою Z имеется в виду Е. Александрова (Штейн). Речь идет о приглашении К. (Кричевского). „Отчаянная схватка" происходит между Александровой и Красиковым.

8) При голосовании за § 1 устава большинство в 28 гол. высказалось за мартовский проект против 23, подавших голос за ленинскую формулировку. Два голоса рабочедельцев (Мартынова и Акимова) и 5 голосов бундовцев дали перевес первой группе. Если бы бундовцы и рабочедельцы не ушли, то дальнейшая картина с'езда была бы, вероятно, иная: выявившееся „большинство" оказалось бы в меньшинстве, а „меньшинство"—большинством, и мартовский оппортунизм восторжествовал бы уже в недрах самого с'езда. Но когда бундовцы покидали с'езд, никто из оставшихся еще не предвидел дальнейших бурь, и особенного сожаления по поводу этого ухода даже намечавшееся правое крыло „искровцев" не выражало. Еще менее трагизма заключал в себе бьющий на эффект уход представителей „Загр. Союза русских социал-демократов"—Акимова и Мартынова, обиженных признанием со стороны с'езда Заграничной Лиги русскойревол. социал-демократии—единственной заграничной организации Р. С.-Д. Р. П.

— Мы удаляемся со с'езда,—гордо сказал Акимов (голоса: совершенно напрасно).

В протоколе, впрочем, нет (да и не могло быть) одного маленького штриха, свидетельствующего о том, что у осиротелого с'езда вовсе не было подавленного настроения при проследовании через дверь двух союзников. Многие (по крайней мере, из первых рядов) слышали не очень громкую (очевидно, „не для протокола"), но явственно сказанную остроумную реплику Плеханова: „ушел Мартын с балалайкой"...

*) К сожалению, автор этих примечаний не может восстановить в своей памяти, кто подразумевался тогда под этим псевдонимом.

9) Два южно-рабоченца—Левин и Розанов; Z—Александрова; „лидер меньшинства“—Троцкий, и „забракованный огромным большинством искровцев“—Загорский (он же Крохмаль, псевдоним на с'езде—Фомин). С этим списком носился и вел за него агитацию Л. Дейч (что мог бы подтвердить свидетель этого—тульский депутат Герц, т. е. Д. И. Ульянов). „Примирительный список, о котором говорится выше, состоял из Кржижановского, Ленгника и Носкова с одной стороны, и Троцкого и Попова - с другой. При голосовании за него среди искровцев—четыре (Засулич, Аксельрод, Потресов и Дейч) воздержались, а Мартов был против. Впоследствии, когда мартовцы остались в меньшинстве, прошла ленинская тройка: Кржижановский, Ленгник и Носков.

10) Акимов, ободренный позицией Мартова в вопросе о § 1 устава, предлагает с своей стороны такую формулировку: „Членом Р. С.-Д. Р. П. считается всякий, признающий основные положения ее программы и оказывающий личное содействие партии под руководством одной из ее организаций“. Мотивирует он свое предложение тем, что „очень мало найдется сознательных членов нашей партии, которые были бы согласны абсолютно со всеми тезисами программы. Ведь по смыслу § 1 проекта даже тот, кто не согласен с аграрной частью программы, уже не может быть членом партии. Необходимо поэтому сказать, что лишь основные положения программы, должен разделять каждый член партии“...

11) Резолюция Мартова, принятая 24 голосами против 22, гласит: „Мотивированный протест постановления какой-нибудь партийной организации о кооптации или исключении членов может быть обжалован в Совет партии, которому предоставляется право его отмены“.

12) Ссылка на утверждение „Сибирской делегации“ основана на том, что говорит Троцкий в своем „Отчете Сибирской делегации“.

13) То-есть, что Мартов при выборе в редакцию не должен быть рассматриваем отдельно от Засулич, Аксельрода и Старовера.

14) В „Отчете Сиб. делегации“ Троцкого фигурирует Иосиф Гуттенберг. Вероятно, автор имел в виду Иоганна Гуттенберга, изобретателя книгопечатания и обмолвился, что и подало повод к юмористическому нота-бене Павловича.

15) Считаем не бесполезным привести имена членов 2-го с'езда с раскрытием их псевдонимов (где это удалось), сделать с указанием принадлежащих им голосов и с отметкой (посредством знака + или —) принадлежности к левому или правому крылу с'езда.

1) От группы „Освобождения Труда“: Г. В. Плеханов (1 гол. +) и Л. Дейч (1 гол.—).

2) От организации „Искры“: Мартов (Ю. О. Цедербаум, 2 гол.—)

3) От Загран. Ком. Бунда: Гофман (Коссовский, 1 гол.—), Гольдблат (Медем, 1 гол.—).

4) От Ц. К. Бунда: Либер (Гольдман, 1 гол.—).
Юдин (И. Айзенштадт, 1 гол.—).
Абрамсон (К. Портной, 1 гол.—).

5) От Лиги revол. соц.-демократии: Ленин (В. И. Ульянов, 2 гол. +).

6) От Загр. Союза рус. соц.-дем.: Мартынов (Пикер, 1 гол.—).
Акимов (Махновец, 1 гол.—).

7) От группы „Южный Рабочий“: Попов (В. Розанов, 1 гол.—).
Егоров (Е. Левин, 1 гол.—).

8) От Петерб. Комитета: Горский (раб. Шотман, 1 гол. +).

9) От Петерб. раб. организ. Брукэр (Лидия Махновец, 1 гол.—)

10) От Московского Комитета: Белов (Цейтлин, 1 гол.—)
Сорокин (Н. Бауман, 1 гол. +).

11) От Харьковского Комитета: Иванов, Медведев (Е. Левина и П. Николаев, по 1 гол., оба—).

12) От Киевск. Комитета: Павлович (П. А. Красиков, 1 гол.+).
Степанов (рабоч. Андрей, 1 гол.+).

13) От Одес. Комитета: Осипов (Залкинд=„Землячка“ 1 гол.+).
Костич (С. Зборовский, 1 гол.—).

14) От Николаевского Комитета: Махов (Калафати, 2 гол.—).

15) От Крымского союза: Панин (Гальберштадт, 2 гол.—).

16) От Донского Комитета: Гусев (Драбкин, 1 гол.+).
Царев (Локерман, 1 гол.—).

17) От Союза горнозаводских раб.: Львов (Мошинский, 2 гол.—),

18) От Екатериносл. Комитета: Ленский (Леонов, 1 гол.+)-
Орлов (Махлин, 1 гол.+).

19) От Саратов. Комитета: Лядов (М. Н. Мандельштам, 1 гол.+).
Горин (Галкин, 1 гол.+).

20) От Тифлисского Комитета: Карский (Топуридзе, 2 гол.+).

21) От Бакинского Комитета: Русов (Кнуньянц 2 гол.+).

22) От Батумского Комитета: Беков (А. Зурабов, 2 гол.+).

23) От Уфимского Комитета: Фомин (В. Крохмаль, 1 гол.—).
Муравьев (рабочий, фигурировавший за границей под фамилией „Петухов“, 1 гол.+).

24) От Северного союза: Ланге (А. М. Стопани, 1 гол.+).
Дедов (Лидия Книпович, известна под кличкой. „Дядинька“, 1 гол.+).

25) От Сибирск. союза: Посадовский (В. Мандельберг, 1 гол.—).
Троцкий (Бронштейн, 1 гол.—).

26) От Тульского Комитета: Герц (Д. И. Ульянов, 1 гол.+).
Браун (рабочий, 1 гол.+).

Лица с совещательными голосами:

1) От ред. „Искры“: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Старовер (А. Н. Потресов).

2) От Орган. Ком.: Штейн (Е. Александрова), Фишер (Роза Гальберштадт).

3) От П. С.-Д.: Варшавский (Варский), Ганецкий.

4) От Бунда: Вольф (А. Кремер).

5) Прочие: Саблина (Н. К. Крупская), Кольцов (Гинзбург), Глебов (Носков, агент О. К.), Страхов, Южин, Костров (Жордания).

Н. Лепешинский

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

Подготовка с'езда

«Искра» с самого начала, в своем анонсе 1900 г. предшествовавшем выпуску газеты, об'явила, что прежде, чем об'единяться, нам надо размежеваться. «Искра» постаралась превратить конференцию 1902 года в частное совещание, а не в партийный с'езд [1]), «Искра» чрезвычайно осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференции Организационный Комитет. Наконец, дело размежевания кончилось, — кончилось по нашему общему признанию. Орг. Ком. конституировался в самом конце 1902 г. «Искра» приветствует его упрочение и заявляет,—в *редакционной* статье № 32,—что созыв партийного с'езда дело *самой настоятельной*, неотложной надобности. Таким образом, нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго с'езда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один—отрежь.

Значение группировок на с'езде

В чем же состояла главная задача с'езда? В создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении с'езд должен был работать, это было предрешено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на с'езде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» (Бунд и «Рабочее Дело»), и таких, которые, признавали «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного Рабочего» и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях с'езд не мог не превратиться в *арену борьбы за победу искровского направления*. Что с'езд и был на самом деле такой борьбой,—это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его протоколы. Наша же задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на с'езде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп с'езда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на с'езде слиться, под руководством «Искры», в единую партию,—вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения.

---

[1]) См. протоколы второго с'езда. стр. 20.

Начало с'езда.—Инциндент с Организационным Комитетом

Анализ прений и голосований на с'езде всего удобнее вести в порядке заседаний с'езда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать *все* главнейшие голосования, опуская, конечно, массу вотировок по мелочам, которые заняли у нашего с'езда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распредилить материал между комиссонными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с обструкцией).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в «порядке дня» с'езда) пункта: «положение Бунда в партии» (стр. 29—33 протоколов). С точки зрения искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло бы быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяло, вместе с «Искрой», большинство партии,—то было бесполезно и бессмысленно «делать вид», что мы идем вместе, и только затягивать с'езд (как затягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого сколько-нибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников «Рабочего Дела», организационные «разногласия с «Искрой». (стр. 31 протокол). На сторону Бунда и «Рабочего Дела» становится тов. Махов (два голоса Николаевского Комитета, незадолго перед тем выражавшего свою солидарность с «Искрой»). Для товарища Махова вопрос совершенно неясен, а «больным местом» он считает и «вопрос (о демократическом устройстве или, наоборот (это заметьте), о централизме».

Итак, против искровцев выступают Бунд, «Рабочее Дело» и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять голосов, которые и поданы были против на (стр. 33). За—подано *30 голосов*—цифра, около которой, как увидим ниже, часто колеблются голоса искровцев. Одиннадцать голосов, оказывается, воздержались—видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой из борющихся «партий». Интересно отметить, что когда мы голосовали параграф 2 устава Бунда (отклонение этого параграфа 2 вызвало уход Бунда из партии), то вотировавших за параграф 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосов (стр. 289 протоколов), при чем воздерживались именно трое рабочедельцев (Брукэр, Мартынов и Акимов) и тов. Махов. Очевидно, что голосование по вопросу о *месте* вопроса о Бунде дало *не случайную* группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядке обсуждения, а и по существу расходились с «Искрой» все эти товарищи.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде на с'езде выплыл вопрос о группе «Борьба», приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке, и тесно связанный с самым «больным» вопросом с'езда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава с'езда высказывается против приглашения группы «Борьба», согласно *двукратному* решению Орг. Ком. (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей в комиссии* (стр. 35).

Тов. Егоров, *член* О. К., заявляет, что «вопрос о «Борьбе» (заметьте: о «Борьбе», а не о том или ином ее члене) для него новый», и просит перерыва. Каким образом для члена О. К. мог быть новым вопрос, дважды решенный О. К., остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва про-

исходит заседание О. К. (стр. 40 прот.) в том его составе, который случайно находился на с'езде (несколько членов О. К. из старых членов организации «Искры» на с'езде отсутствовали). Начинаются прения о «Борьбе». Рабочедельцы высказываются за (Мартынов, Акимов и Брукэр стр. 36—38), и искровцы (Павлович, Сорокин, Ланге, Троцкий, Мартов и др.)—против. С'езд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за «Борьбы» завязывается упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и «боевой» речью, в которой указывает справедливо на «неравномерность представительства» русских и заграничных групп, на то, что едва ли «хорошо» было бы давать заграничной группе «привиллегию» (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после с'езда!), что не следует поощрять «организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями». Кроме сторонников «Рабочего Дела», *никто* открыто и мотивированно не выступает за «Борьбу» вплоть до закрытия списка ораторов (стр. 40).

После закрытия списка ораторов, когда по существу высказываться уже нельзя, тов. Егоров «настоятельно требует, чтобы было выслушано постановление О. К., принятое только что». Неудивительно, что члены с'езда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое «недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании». Казалось бы, одно из двух, или высказываться отркыто и определенно по существу вопроса перед всем с'ездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом «заключительного слова», преподнести с'езду новое постановление О. К.—именно по обсуждавшемуся вопросу—это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от «формальности» и прибегнуть к последнему, на с'ездах лишь в крайних случаях употребительному, средству—«товарищеского об'яснения». Представитель О. К., Попов, сообщает постановление О. К., принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее с'езду пригласить Рязанова.

Павлович, заявляет, что он отрицает законность собрания О.К., что новое постановление О. К. «*противоречит его прежнему решению*». Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член О. К. и член группы «Южного Рабочего», уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (!), ибо О. К., обсудив протест Павловича, решил «не доводить до сведения с'езда отдельное мнение Павловича». Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно раз'ясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах с'езда, что «*императивных мандатов у нас нет*» (стр. 42, сравни стр. 379, устав с'езда, параграф 7: «делегаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы»). «С'езд есть самая высшая партийная инстанция», и, следовательно, нарушает партийную дисциплину и устав с'езда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата *прямо* к с'езду по *всем*, без исключения и из'ятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность. Ограничение прав делегатов на с'езде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или *полное*, не на словах только, а на деле, распущение *всех* низших инстанций и старых группок перед с'ездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале с'езда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде «Южного Рабочего») с возрождающейся партией И анти-искровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрам-

сон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции «Искры», и наш знакомый тов. Махов—все они высказываются за Егорова и группу «Южного Рабочего» против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь, наперерыв с Мартыновым и Аксельродом, организационным «демократизмом», вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только через посредство низшей!! Истинный смысл этой «компактной» анти-искровской оппозиции был совершенно ясен для всякого, кто был на с'езде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до с'езда. Задача оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особность, проходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, созидаемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший об'единиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто «в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той группе низшего порядка, в которую он входит». «Никакая *принудительная* (курс. Мартова) группировка внутри единой партии недопустима», раз'ясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце с'езда и после него...

Распущение группы „Южного Рабочего"

Распределение делегатов в вопросе об О. К. могло бы показаться, пожалуй, случайными. Но такое мнение было бы ошибочным, и чтобы устранить его, мы отступим от хронологического порядка и рассмотрим сейчас же инцидент, имевший место в конце с'езда, но самым тесным образом связанный с предыдущим. Инцидент этот—распущение группы «Южного Рабочего». Против искровских организационных тенденций—полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса—выступили здесь интересы *одной* из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при централистической постановке работы. Во имя интересов кружка группа «Южного Рабочего с неменьшим правом, чем старая редакция «Искры», могла претендовать на сохранение «преемственности» и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии группа эта должна была подчиниться перемещению ее сил в «соответствующие партийные организации» (стр. 313, конец резолюции, принятой с'ездом). С точки зрения интересов кружка и «обывательщины» не могло не казаться «щекотливым» (выражение т. Русова и т. Дейча) распущение полезной группы, которая так же не хотела этого, как не хотела и старая редакция «Искры». С точки зрения интересов партии являлось необходимым распущение, «растворение» (выражение Гусева) в партии. Группа «Южного Рабочего» прямо заявила, тчо она «не находит нужным» об'явить себя распущенной и требует, чтобы «с'езд решительно заявил свое мнение» и при том «немедленно: да или нет». Группа «Южного Рабочего» прямо ссылалась на ту самую «преемственность», к которой стала апеллировать старая редакция «Искры»... после ее распущения! «Хотя все мы по одиночке составляем единую партию,—сказал тов. Егоров,—но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, *как с историческими величинами*... Если подобная организация *не вредна партии, то ее не к чему распускать*».

Таким образом, важный *принципиальный* вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы—покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед—решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на с'езде; они, несомненно, стояли бы горой за необходимость «считаться с историческими величинами»). Голосование дало *31 за*, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса членов группы «Южного Рабочего» и еще один, вероятно, Белова, судя по его прежним заявлениям,—стр. 308). Группа

в девять голосов, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану «Искры» и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с «симпатиями» отдельных организаций, говоря прямо, что, «если бы товарищи из «Южного Рабочего» держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело об'единения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше». В этом духе высказывается и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глебов, и Горин. Искровцы из «меньшинства» не только не восстают против этих, неоднократно поднимавшихся на с'езде определенных указаний на недостаточно принципиальную политику и «линию» «Южного Рабочего», Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая «хаос» и приветствуя «прямую постановку вопроса» (стр. 315) тов. Русова.

Со стороны группы «Южного Рабочего» вопрос об ее распущении вызвал страшное возмущение, следы которого есть и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже «ложью» простое упоминание имени группы «Рабочая мысль» на ряду с «Южным Рабочим»,—характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на с'езде. Егоров даже гораздо позже, в 37-ом заседании, говорит о распущении «Южного Рабочего» с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса об «Южном Рабочем» членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле Ц. О. и Ц. К. Тов. Попов намекает во время прений о «Южном Рабочем» на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. *«Теперь,*—говорит он (стр. 316),—*все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно»*. Смысл этих слов несмоненен: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцию, все ясно, т.-е. ясно, что «Южный Рабочий» будет распущен вопреки его воле.

Инцидент с равноправием языков

Вернемся к порядку заседаний с'езда:

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу, на с'езде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа анти-искровцев (8 голосов), но и группа промежуточных неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее, приблизительно, до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на с'езде черезчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. В виду того, что в литературе до с'езда довольно много места было уделено раз'яснению относящихся сюда тем, на с'езде обсуждение дало, мало сравнительно, нового. Нельзя не заметить только, что сторонники «Раб. Дела» (Мартынов, Акимов и Брукэр), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда с'езд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально опозиция анти-искровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, кнечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим Мар-

тов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция «Искры», перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на с'езде!

Минуя споры о признании «Искры» центр. органом и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим, прежде всего, одну деталь чрезвычайно характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из «Южн. Раб.» защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание Посадовского (искровец из меньшинства) о «серьезном разногласии». «Несомненно,—сказал тов. Посадовский,—что мы не сходимся по следующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность*, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее». Плеханов «вполне присоединяется» к Посадовскому, восставая в еще более определенных и более решительных выражениях против «абсолютной ценности демократических принципов», против «отвлеченного» рассматривания их. «Гипотетически мыслим случай,—говорит он,—когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права». Речь Плеханова встречена рукоплесканьями и *шиканьем*, и когда Плеханов опротестовывает Zwischenruf: «вы не должны шикать», и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: «раз такие речи вызывают рукоплесканья, то я обязан шикать». Вместе с тов. Гольдблатом (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против вглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены.

Разногласие обнаружилось еще рельефнее по вопросу о «равноправии языков» (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — *шестнадцать*. Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д., *и языка*, или же необходимо сказать: «свобода языка» или «равноправие языков». Тов. Мартов на с'езде Лиги довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что «ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина с'езда готова была свергнуть программную комиссию». Именно так. Повод к столкновению был именно ничтожный, и, тем не менее, столкновение приняло действительно *принципиальный* характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки «*свергнуть*» программную комиссию, вплоть до подозрения в желании «*подвести с'езд*» (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (ст. 178). Даже тов. Попов «выражал сожаление, что по поводу пустяков создается *такая атмосфера*» (курсив мой, ст. 182), которая царила в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

Все эти выражения в высшей степени определенны и категорически указывают на тот выразительный факт, что атмосфера «подозрений» и самых ожесточенных форм борьбы («свержение»),—в создании которой обвинялось потом на с'езде Лиги большинство искровцев!—на самом деле создалась *гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство*. Не резкости, не остроты создали конфликт,—они были только *симптомом* того, что в самой политической группировке с'езда есть «противоречие», есть все залоги конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, *даже ничтожном* поводе.

С той точки зрения, с которой я смотрю на с'езд, вполне об'яснимым и неизбежен отчаянно-резкий конфликт *принципиального* характера по «ничтожному» поводу. Раз у нас на с'езде *все время* шла борьба искровцев с анти-искровцами, раз межу ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с анти-искровцами составляли одну треть голосов (8 10 18 из 51, по моему счету, разумеется, приблизительному),—то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшего меньшинства их,* создавало возможность победы анти-искровского направления и вызывало, поэтому, «бешенную» борьбу. Это не результат неуместно резких выходок и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке с'езда создавало резкости и нападки,—в этом противопостановлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения с'езда и результатов с'езда.

В течение всего с'езда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их,—равноправие языков, параграф 1 устава и выборы,—и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая, в конце концов, к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на с'езде.

Война началась спором тов Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171—172). Мартов доказывает достаточность требования «равноправия граждан». «Свобода языка» отклоняется, но сейчас же выдвигается «равноправие языков», и вместе с Либером ополчается на бой тов. Егоров. Мартов, заявляет, что это—*фетишизм,* «когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежавшие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком» (стр. 172).

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все анти-искровцы (8 голос.) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов—только последние двое колебались вначале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть—главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами)—и, благодаря этому, перевес, в конце-концов, получает направление «фетишизма». При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства отделись двое с двумя голосами—Посадовский и Костич; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. *Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции анти-искровцев и неустойчивых элементов.* Это—именно тот *основной факт* с'ездовской группировки, который повторился (при отделении *других* только искровцев) и при голосовании параграфа первого устава, и при выборах.

Аграрная программа

Принципиальная невыдержанность анти-искровцев и «центра» сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли не мало времени у с'езда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили не мало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении «именно данной исторической не-

справедливости», чем будто бы косвенно мы «освящаем другие исторические несправедливости», и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже «не ясно, каково значение этой программы. Есть ли это программа для нас, т.-е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной» (!?!?). Тов. Либер «хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров». Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что «большинство (?) из говоривших решительно не понимают, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует». Предлагаемую программу, видите ли, «трудно считать за соц.-дем. аграрную программу»; она... «несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей», на ней лежит «оттенок демагогии и авантюризма». Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы «с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой» (202). Тов. Махов «выбалтывает» здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых признавать «Искру» (как признал ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направления, ее теоретическую и практическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры анти-искровских элементов (Либер и Мартынов) и «центра»—Егоров и Махов. Тов. Егоров откровенно выразил также одну из характерных черт «Южного Рабочего» и тяготеющих к нему групп и кружков, именно—непонимания значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. «Я далек от увлечения редакции крестьянским движением,—сказал т. Егоров,—увлечения, после крестьянских волнений, охватившего многих социал-демократов». Тов. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомить с'езд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение *редакции,* не потрудился привести конкретных указаний на литературный материал, данный «Искрой». Он забыл, кроме того, что *все* основные пункты нашей аграрной программы были развиты «Искрой» еще в ея третьем номере, т.-е. *задолго* до крестьянских волнений. Кто «признавал» «Искру» не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

«Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!»—восклицает т. Егоров и об'ясняет далее это восклицание не в смысле протеста против того или другого отдельного «увлечения», а в смысле отрицания всей нашей позиции: «Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом». Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, сводящего все к «конкуренции» лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор об'являет себя «удовлетворенным» теоретическими об'яснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам «конкурентов»... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (ст. 196). Какая путаница вскрывается этим уверением об «удовлетворенности» и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма, для которого «конкуренция лозунгов» решала все вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. «Вы не заставите батрака—говорил т. Егоров—бороться рядом с

богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина».

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал, что невозможно «заставить» пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадает в ее руки в будущем. Опять та же вульгаризация, забывающая о русских особенностях обще-капиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки давят сейчас, давят на деле *и* батрака, которого нечего «заставлять» бороться за освобождение от кабалы. «Заставлять» приходится некоторых интеллигентов—заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической кон'юнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предрассудок, что мужик глуп,—предрассудок, проскальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (ст. 202), в речах т. Махова и других противников аграрной программы,—только предрассудок об'ясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противоположения: рабочий и капиталист, представители нашего «центра» старались, как водится, свалить свою узость на мужика. «Именно потому,—говорил т. Махов, что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела». Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, и *сужение* этой точки зрения, сведение ее к «узкой мере». Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как сведении к «узкой мере» точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем, и логика и стория учат, что мелкобуржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной именно в виду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу узости («глупости») мужика или господства над ним «предрассудка», а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предрассудком.

Вульгарно-«марксистская» точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи т. Махова, верного защитника старой редакции «Искры». Неадром встречены были эти слова апплодисментами... правда, ироническими. «Я не знаю, конечно, что называть бедой»—говорит г. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас нисколько не пугает, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное движение).—«Но революция эта, если ее можно т. н., будет не революционной. Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта... Подобная революция отбрсит нас назад и потребует известное время для того, чтобы вновь притти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции *(иронические апплодисменты),* мы имеем соц.-дем. партию» *(смех)*...

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Анти-искровцы (8 голосов) идут в ход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди «центра» Егоровы и Маховы путаясь и сбиваясь постепенно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т.-е., как раз то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с О. К., и на вопросе о закрытии «Южного Рабочего». Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и уста-

новленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев, новым) социально-экономическим отношениям,—и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоту задачи, оказывается лишь три пятых голосов, тотчас же весь «центр» поворачивает за Либерами и Мартыновыми.

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых с'езда. Кавказские делегаты занимали тут совершенно правильную позицию;—в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьнических голых противоположений, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что «такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне»... как взгляд тов. Егорова... ему «приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей»), и Костров, и Карский, и Троцкий. Последний правильно указывает, что «благожелательные советы» критиков аграрной программы «слишком отдают *филистерством*».

Говоря о доводах, отдающих «филистерством», т. Троцкий указал, что «в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством»... «Перед лицом этой задачи скептицизм и политическая «дальновидность» Махова и Егорова вреднее всякой близорукости». Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на «неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости» со стороны тов. Махова,—характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему «центру». «В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки»,—продолжал тов. Костич.—«Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы» (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на с'езде стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано, что социал-демократическая партия поддерживает «всякое *оппозиционное* и революционное движение, *направленное против существующего в России общественного и политического порядка*». Казалось бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, *какие именно* из оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее, различие оттенков, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось и *тут*, как ни трудно было предположить, что возможны еще «недоумения и недоразумения» по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в *оттенках;* Махов, Либер и Мартынов сейчас же забили тревогу...

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. «У нас единственный революционный класс—пролетариат»,—заявляет он и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: «остальные так себе, с боку припеку *(общий смех)*... Да, с боку припеку и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать» (ст. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смутила, но по существу дела с ним сошлись и Либер и Мартынов, предлагая устранить слово оппозиционное или ограничить его добавлением «демократическое-оппозиционное». Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. «Мы должны критиковать либералов,—говорил он, разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны раз'яснить пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом, даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции». Товарищи Мартынов, Либер и Махов не соглашаются с этим и отстаивают свою позицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого

себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) «так себе» и он «против того, чтобы их поддерживать». Потом он смилостивился и признал, что, «будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной,—когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками». «Но есть группы,—продолжал он,—которые всегда (?) реакционны; таковы ремесленники». Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего «центра», которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников, по сравнению с буржуазией, в области политических вопросов является не более как шаблонно-заученной фразой [1]).

Устав партии

От программы с'езд перешел к уставу партии (мы минуем вопрос о Ц. О. и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь «Искра» выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве *организационной* ячейки. В редакционной статье четвертого номера («С чего начать?») «Искра» выдвинула целый организационной план и систематически, неуклонно проводила этот план в течение *трех лет*. Когда второй с'езд партии признал «Искру» центральным органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147) два пункта были посвящены *именно этому организационному плану и организационным идеям «Искры»:* роль ее в деле руководства *практической* партийной работой и руководящая роль в об'единительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа «Искры» и все дело партийной организации, все дело *фактического* восстановления партии *не могло* считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийной организации, сводились, в сущности, к следующим двум. Первая,—идея централизма,—принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая—особая роль идейно-руководящего органа, газеты,—учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания *первоначальной* операционной базы революционного натиска за границей. Первая идея, как единственно принципиальная, должна была проникать собой весь устав; вторая,—как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия,—выражалась в *кажущемся* отступлении от централизма, в создании двух центров,—Ц. О. и Ц. К. Обе эти основные идеи искровской организации партии были развиты мной и в редакционной статье «Искры» (№ 4) «С чего начать»? и в «Что делать»?, и наконец, подробно раз'яснены в виде почти

---

[1]) Другой лидер той же группы „центра", тов. Егоров, высказался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте, по поводу резолюции Аксельрода о социалистах-революционерах (стр. 359). Тов. Егоров усмотрел „противоречие" между требованием программы п о д д е р ж и в а т ь всякое оппозиционное и революционное движение и о т р и ц а т е л ь н ы м отношением и к социалистам-революционерам, и к либералам. В иной форме и несколько с другой стороны подходя к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое полувраждебное отношение к („признанной им") позиции „Искры", как и товарищи Махов, Либер и Мартынов.

что устава в «Письме к товарищу». Оставалась только, в сущности, редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание «Искры» не оставалось на бумаге, не было только условной фразой.

Прения о централизме до раскола внутри искровцев

Прежде, чем переходить к действительно интересному и несомненно вскрывающему различные оттенки взглядов вопросу о формулировке параграфа 1 устава, остановимся еще немного на тех кратких общих прениях об уставе, которые заняли 14-е заседение с'езда и часть 15-го. Тов. Мартов *присоединился* (стр. 157) к моим организационным взглядам, оговорив только два несогласия по *частностям*. Напротив, и анти-искровцы, и «центр» сейчас же подняли поход против обеих *основных* идей всего организационного плана «Искры» (и, следовательно, всего устава): и против централизма, и против «двух центров». Тов. Либер назвал мой устав организационным недоверием», усмотрел децентрализм в двух центрах (как и т. Попов и Егоров). Тов. Акимов выразил желание определить сферу компетенции местных комитетов шире, в частности предоставить им самим «право изменения своего состава». «Необходимо предоставить им бо̀льшую свободу деятельности... Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности, как избирается Ц. К. представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых Ц. К. в местные комитеты...» (158). Тов. Акимов подсказывает, как видите, довод против «гипертрофии централизма», но тов. Мартов остается глух к этим авторитетным указаниям, пока еще поражение по вопросу о составе центров не побуждает его идти за Акимовым. Тогда еще против «чудовищного централизма» ратовали только те, кому явно был *невыгоден* централизм «Искры»: ратовали Акимов, Либер, Гольдблат, за ними *шли* осторожно, осмотрительно (так, чтобы всегда назад повернуть можно было) Егоров (см. стр. 156 и 276) и т. д. Тогда еще для громадного большинства партии было ясно, что именно приходские, кружковые интересы «Бунда», «Южного Рабочего» и т. д. вызывают протест против централизма.

Возьмите, например, речь т. Гольдблата (160—161). Он ропщет против моего «чудовищного» централизма, якобы ведущего к «уничтожению» низших организаций, «проникнутого насквозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все», предоставляющего организациям «одно лишь право—повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше», и т. д. «Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты». На с'езде смеялись над «Бундом», который, воюя против *нашего* централизма, сам *у себя* предоставляет центру *еще определеннее* очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и исключения членов, даже недопущения делегатов на с'езды).

По вопросу о двух центрах, группировка тоже сказалась ясно: против *всех* искровцев стоят и Либер, и Акимов, и Попов, и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала *старая* «Искра» (и которые были одобрены *на словах* т.т. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами «Южного Рабочего», с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган шла вразрез политика *старой* «Искры». Вот, где лежит корень того странного, на первый взгляд противоречия, что за один центр, т.-е. *за большой якобы централизм*, стоят все анти-искровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы «Южного Рабочего», но их толкала на сторону анти-искровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

Из речей искровцев, во время *этих* (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе, особенно замечательны речи т.т. Мартова («присоединение» к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил тт. Акимову и Либеру так: «Устав,—говорил он (т. Акимов), определяет сферу компетенции Ц. К. недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспеить ее контролем над местными комитетами. Т. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями «Бунда» уставу, который представлял организованное недоверие со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т.-е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями» (158).

Параграф первый устава

Приводим в примечании [1]) те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на с'езде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились *двумя именными* голосованиями (в течение всего с'езда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес с'езда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали *все* делегаты—явление редкое на нашем с'езде (как и на всяком большом с'езде) и свидетельствующее, разным образом, о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на с'езде и повторял потом не раз, что «вовсе не считаю наше разногласие (по параграфу первому) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем!» (250). Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать того расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола), которое создалось после с'езда. Но всякое *маленькое* разногласие может сделаться *большим*, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если *приняться* за розыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое *маленькое* разногласие может получить огромное значение, если оно послужит исходным пунктом *поворота* к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, *с анархическими действиями*, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело в данном слуае. *Теперь* вопрос *поставлен* уже таким образом: отразилась ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на с'езде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на с'езде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное бюрократическое формалистическое помпадурское, несоциал-демократическое понимание централизма? *Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм?*—так *поставлен* вопрос *теперь*, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны

---

[1]) § 1 в моем проекте: „Членом Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций".

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на с'езде и принятой с'ездом: „Членом Рсс. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий Партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций".

иметь в виду именно эту,—событиями навязанную нам всем,—постановку вопроса при обсуждении *по существу* доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа с'ездовских прений. Первая речь тов. Егорова интересна только тем, что его отношение (non liquet, мне еще неясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым нелегко было разобраться в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это—первая принципиальная, вернее даже сказать, вообще первая речь тов. Аксельрода на с'езде, и трудно признать его дебют с пресловутым «профессором» особенно удачным. «Я думаю, что нам нужно,—говорил тов. Аксельрод,—разграничить понятия партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно». Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть *суммой* (и не простой арифметической суммой, а комплексом) *организаций* [1]), то значит ли это, что я смешиваю» понятия партии и организации? Конечно нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более *организованное*, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые *допускают хоть минимум организованности*. Наоборот, мой оппонент *смешивает* в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и неподдающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо отсталые могут войти в организацию. Вот *это смешение* действительно *опасно*. Тов. Аксельрод ссылается дальше на «строго конспиративные и централистические организации прошлого» (Земли и Воли и Народной Воли): вокруг них-де «группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации». Вот именно тут мы и подошли к одному из гвоздей вопроса: действительно ли «этот принцип» есть социал-демократический,—принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только «так или иначе помогает ей»? И Плеханов дал единственно возможный ответ на этот вопрос: «Аксельрод был не прав в своей ссылке на 70-е г.г. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее». Таким образом, «этот принцип», который тов. Асельрод хотел выдать за соцал-демократический, на самом деле есть *принцип анархический*. Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность* контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать *необходимость* того, чтобы «элементам хаоса» было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого*. Тов. Аксельрод для

---

[1]) Слово „организация" употребляется обыкновенно в двух смыслах: широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного, в широком смысле означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Напр., флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организаций (в узком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова). Точно так же и партия есть организация, должна быть организацией (в широком смысле слова); в то же время партия должна состоять из целого ряда разнообразных организаций (в узком смысле слова). Поэтому тов Аксельрод, говорящий о разграничении понятий партия и организация, во-первых, не принял во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не заметил того, что он сам смешал организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

примера взял «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом». Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом,—и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения «заявления» профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы *не* признают профессора социал-демократом,—и тогда нелепо, бессмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освещению разброда и анархии. Строим ли мы партию, исходя из того уже создавшегося и сплотившегося ядра *социал-демократов,* которое создало, скажем, партийный с'езд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной *фразой,* что все помогающие суть члены партии? «Если мы примем формулу Ленина,—продолжал тов. Аксельрод,—то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся, тем не менее, членами партии». Смешение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие *являются* членами партии, тогда как из-за этого идет спор, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы—выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие «непосредственно» войти ни в одну партийную организацию, могут, ведь, работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт, в смысле отстранения от работы, от участия в движении, не может быть, следовательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себя *действительных* социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, разносторонее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих *масс.* Ведь нельзя же смешивать в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: «Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя, быть может, и не совсем активно, примыкающих к этой партии». Во-первых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не одни только организации революционеров, а *целый ряд* рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики, из того факта, что мы—партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между *входящими* в партию и *примыкающими* к партии? Как раз напротив, именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы—партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военное время, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее; но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда либо почти весь класс в состоянии при капитализме подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ

не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи—значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными—и помогающими.

Ссылаться на то, что мы—партия класса, *в оправдание* организационной расплывчатости, *в оправдание* смешения организации и дезорганизации—значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал «философский и социально-исторический вопрос о корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом. Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше»—говорит Мартов, не об'ясняя, однако, какая же польза от широкого распространения *названия,* не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за не входящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет об'явить себя членом партии» (стр. 229). В самом деле? *Каждый стачечник* должен иметь право *об'явить себя членом партии?* Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, *принижая* социал-демократизм до стачкизма, повторяя заключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удается руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии—руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим *отождествление* такой первоначальной ipso facto не более, как трэд-юнионистской формы борьбы со всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически *узаконять заведомую фальшь,* если дадим право каждому стачечнику «об'являть себя членом партии», ибо такое «об'явление в *массе случаев* будет об'явлением *ложным.* Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что *каждый стачечник может быть* социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «*стачечника*» особенно ясно видна разница между *революционным стремлением* социал-демократически руководить каждой стачкой и *оппортунистической фразой,* об'являющей членом партии *каждого* стачечника. Мы—партия класса, поскольку мы *на деле* социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы *на словах* должны отождествлять партию и класс.

«Я не боюсь заговорщической организации», говорил в той же речи тов. Мартов, но, добавлял он, «заговорщическая организация для меня имеет смысл постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия» (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее *движение.* И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым трюизмом. Я останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из трюизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень *ходкий и очень вульгарный* довод, что-де Ленин хочет «ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков». Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делал и тов. Посадовский, и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Аки-

мов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер оппортунистической фразы. В настоящее время этот же довод развивает в новой «Искре» тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами новой редакции. Еще на с'езде в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о параграфе 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen». Это до такой степени самоочевидная, само собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним...

Я указал на это еще в «Что делать?», а в «Письме к товарищу» развивал эту идею конкретнее. «Заводские кружки—писал я там—для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения—в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики, включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков или агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Росс. Соц.-Дем. Раб. Пар. и, *при условии утверждения* комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, *получат права всех членов партии,* будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие *не войдут* в Р. С.-Д. Р. П., будут на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.» (стр. 17—18). Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что *идея* моей формулировки параграфа 1 вполне выражена уже в «Письме к товарищу». Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно, и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: «Группа разносчиков должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при* участии одного—двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д. (стр. 18—19).

По степени организованности вообще и конспиративности организации, в частности, можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов также войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее: 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающих к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «об'являть себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия». Вред ее—внесение *дезорганизующей* идеи о смешении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на с'езде по параграфу 1. Тов. Брукэр высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но его союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартыновым, основанным на недоразумении. Тов. Брукэр «не согласен со всем уставом и всем его духом (стр. 239) и защищает мою формулу, *как основу демократизма,* желанного для сторонников «Рабочего Дела». Тов. Брукэр не поднялся еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать *меньшее из зол;* т. Брукэр не заметил, что защищать демократизм на таком с'езде ,как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что «т.т. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели» (стр. 252). «Я и Брукэр—продолжает он—хотим выбрать ту, *которая меньше достигает цели.* В этом отношении я выбираю формулировку Мартова». И т. Акимов с откровенностью пояснил, что «самую цель их» (Плеханова, Мартова и мою—создание руководящей организации революционеров) он считает «неосуществимой и вредной»; он отстаивает, как и тов. Мартынов [1]), идею экономистов о ненужности «организации революционеров». Он «полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу партийную организацию, независимо от того загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина». На этом вхвостистском» понимании «жизни» не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили бы его также у т. Мартова. Вторая речь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

Первый довод т. Мартова: контроль партийных организаций над невходящими в организации членами партии «осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней» (стр 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он «выдает», если можно так выразиться, *кому* нужна и кому будет *на деле* служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии в праве «*об'являть себя*» (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация *в праве признать* всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность «каждому стачечнику» назваться членом партии и *только оно,* поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, и сотрется различие между партией и классом; о контроле и руководстве за «каждым стачечником» можно говорить только «символически». Вот почему т. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, *оно прямо отклонено с'ездом,* отвергшим резолюцию Костича,—стр. 255); комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к *массе* рабочих, к тысячам пролетариев (о которых говорят тов. Аксельрод и т. Мартынов,—они будут даваться зачастую вот именно тем *профессорам,* которых упоминал т. Аксельрод, тем *гимназистам,* о которых заботились т. Либер и т. Попов (стр. 241), той *революционной молодежи,* на которую ссылался т. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу, главным образом, и почти исключительно «*интеллигентам,*

---

[1]) Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от т. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы не значит конспиративный, что за разницей этих слов скрывается разница понятий. Какая эго разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не об'яснили. Тов. Мартынов „делает вид", будто я, например, в „Что делать?", не высказался решительно (как и в „Задачах") против „сужения" политической борьбы до заговора". Тов. Мартынов хочет заставить слушателей забыть, что те, с кем я воевал, не видели надобности в организации революционеров, как не видит ее и сейчас тов. Акимов.

насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом» и не желающим входить в организацию. *На словах* формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата: *на деле* эта формула послужит интересам *буржуазной интеллигенции,* чурающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из об'яснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о параграфе 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали т.т. Мартынов и Аксельрод, а сторонники *буржуазно-интеллигентского индивидуализма* столкнулись с сторонниками *пролетарской организации и дисциплины.*

Тов. Попов говорил: «Всюду в С.-Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя» (стр. 241). Почему они не могут быть членами организации?—это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировал выше место из «Письма к товарищу», показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, при чем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод т. Мартова: «Для Ленина нет иных организаций в партии, кроме партийных организаций»... Совершенно верно!.. «Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»... Это в двух отношениях не верно: 1) «жизнь» плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организации революционеров, но и массы рабочих организаций... Ленин думает, что Ц. К. утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но т. Брукэр хорошо понимает, что жизнь (sic!) возьмет свое и что Ц. К., чтобы не оставить вне партии множества организаций должен будет их легализировать, несмотря на их вполне ненадежный характер; поэтому тов. Брукэр и присоединяется к Ленину»... Конечно, если бы Ц. К. *обязательно* состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут, тогда «жизнь» взяла бы «свое» в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли бы верх. Но ни одной *осмысленной* причины нельзя привести, которая бы заставила *толковый* Ц. К. вводить в партию «ненадежные» элементы. Именно этой ссылкой на «жизнь», которая «плодит» ненадежные элементы, т. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. «Я же думаю,—продолжает он,—что если такая организация (не вполне надежная) согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы, например, какой-нибудь союз «независимых» определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партий-

ную организацию»... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе *его* схему: партия = 1) организации революционеров + 2) организации рабочих, признанные партийными + 3) организации рабочих, не признанные партийными (преимущественно из «независимых») + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) «каждый стачечник». Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова т. Либера: «Наша задача не только организовать организацию (!!),—мы можем и должны организовать партию» (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишенные смысла слова об «организации организаций», а *прямое требование* от членов партии, чтобы они работали над *организацией на деле.* Говорить об «организации партии» и защищать прикрытие словом партии всякой неорганизованности и всякого разброда значить говорить пустые слова.

«Наша формулировка,—говорит т. Мартов,—выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций». Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и *не выражает* формула Мартова, ибо она *не дает стимула организоваться,* не содержит требования организоваться, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только *звание* и по этому поводу нельзя не вспомнить слов т. Аксельрода: «Никакими декретами нельзя запретить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами» (святая истина!) «и даже считать себя частью партии»... вот это уже *безусловно неверно!* Запрещать называться социал-демократом нельзя и *не зачем,* ибо это слово выражает *непосредственно* лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения Запрещать отдельным кружкам и лицам «считать себя частью партии» можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о *партии,* как целом, как политической величине, если бы она не могла «декретом запретить» кружку «считать себя частью» целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку т. Мартова: он возвел даже эту ошибку в *оппортунистическую теорию,* когда добавил: «в формулировке Ленина параграф 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (!!) с задачами социал-демократической партии пролетариата» (стр. 243). Это значит не больше и не меньше как: пред'явление более высоких требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую *теорию.*

Справедливость требует отметить, что тов. Аксельрод, *теперь* желающий превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму, формулировку в зерно *новых* взглядов,—на с'езде выразил, наоборот, готовность «поторговаться», сказавши: «Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь, потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию»... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., из речи тов. Страхова, и цитированные выше выписки из «Письма к товарищу»)... «Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться». Я ответил товарищу Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и должен пояснить теперь в каком смысле было сказано это. Именно на счет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему 1 параграфу примечание вроде такого: «Рабочие организации, принимающие программу и устав Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций». Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен

ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, брошюрах (и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, в себе ни тени *неверных,* способных вести к дезорганизации мыслей, ни тени *оппортунистических* рассуждений [1] и «*анархических концепций*», несомненно, входящих в формулировку т. Мартова.

Последнее, приведенное мною в кавычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к *анархизму* признание членов «*безответственных* и самих себя *зачисляющих* в партию». «В переводе на простой язык»,—раз'яснял тов. Павлович мою формулировку т. Либеру,—она означает: «раз ты хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать организационные отношения». Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов. Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. «Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса». Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы «каждый стачечник» мог называть себя членом партии, ибо, если бы «каждая стачка» была не только стихийным выражением могучего классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а *сознательным выражением* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочий класс, а следовательно, сразу покончила бы и со *всем буржуазным обществом.* Чтобы быть *на деле* сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы *обеспечивали известный уровень* сознательности и систематически поднимали этот уровень. «Уж если идти путем Мартова,—сказал тов. Павлович,—то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании *программы,* ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признание программы обусловливается довольно высоким

---

[1] К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования Мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), „что оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава,—он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата“.. Не в этом дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому *оправдывать* „глубокими причинами“ оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть „организованное недоверие“ целого к части, передового отряда к отсталому отряду; а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать *слабость* и шаткость нашей организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму), „сложными причинами“, „уровнем развития пролетариата“ и т. п. Другой довод тов. Троцкого: „интеллигентной молодежи, так или иначе сорганизованной, гораздо легче *занести себя* (курсив мой) в списки партии“. Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы *об'являют себя* членами партии, а не моя, *устраняющая* право „заносить *себя*“ в списки. Тов. Троцкий говорит, что если Ц. К. „не признает организации оппортунистов, то только из-за характера лиц, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно *удалить из партии* (да и то верно наполовину, ибо организованная партия *удаляет* вотумом, а не бойкотом). Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для целей контроля Ц. К. *нарочно* может включить в партию на известных условиях не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться *направить ее на путь истины*, чтобы своим руководством парализовать ее частичные уклонения и т. д. Такое включение не опасно, *если* не допускается вообще „*занесения себя*“ в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и *ответственного*, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. „Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута“—говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) „соответствовать“ регрессу или застою. Этот последний случай и есть „случай“ тов. Мартова.

уровнем политического сознания». Мы никогда не допустим, чтобы *поддержка* социал-демократии, чтобы *участие* в руководимой ей борьбе искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованиями (усвоения, понимания и проч., ибо самое это *участие* одним уже фактом своего проявления *поднимает* и сознательность и организационные инстинкты, но раз *мы соединились в партию* для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось *тотчас-же,* в течение *того же самого* заседания. Т.т. Акимов и Либер, которые провели формулировку тов. Мартова [1]), *сейчас* же обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—255), чтобы и программу надо было (для «членства» в партии) признавать лишь платонически, лишь ее «основные положения». «Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова»,—ответил тов. Павлович.

* *
*

Группировка голосов по параграфу 1 устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы анти-искровцам, за которыми идет «центр».

(Параграфы и, к, л, м, выкинуты из настоящего издания, так как они содержат почти исключительно описание мелких споров о частностях устава или споров о личном составе центральных учреждений партии. Ни то, ни другое не представляет интереса для современного читателя, ни важности для уяснения разногласия между „меньшинством" и „большинством". Приводим только конец параграфа *м*, касающийся одного затронутого еще на втором с'езде тактического вопроса)

Интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверческой резолюции о либералах. Она была принята с'ездом, как можно судить по подписям над ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников «большинства» (Браун, Орлов, Осипов вотировали и *за нее,* и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская—устанвливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к *буржуазному либерализму в России,* а староверовская—пытается определить *конкретные условия допустимости «временных соглашений»* с «либеральными или либерально- демократическими течениями». Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно *политической расплывчатостью,* будучи в силу этого мелкой и мелочной. Она *не определяет классового содержания русского либерализма,* она не указывает *определенных* политических течений, выражающих его, она не раз'ясняет пролетариату его *основных* задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и «Освобождение», она слишком мелочно, казуистически предписывает *три* конкретных условия, при которых допустимы «временные соглашения». Политическая расплывчатость и в этом случае как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить «условия» ведет к мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) «либеральные или либерально-демократические течения» должны «ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии». В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее

[1]) За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми анти-искровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы.

прогрессивных политическ. слоев буржуазии, а либерально-демократические— позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то неужели т. Старовер считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии «встанут решительно на сторону социал-демократии»?? Это абсурд, и если представители такого течения даже и «*заявили бы это ясно и недвусмысленно*» (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, *обязаны были бы не верить* их заявлениям. Быть либералом становиться решительно на сторону социал-демократии,—одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что «либеральные или либерально-демократические течения» ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону *социалистов-революционеров*. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старовера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что *в таком случае, временные соглашения* с подобными либералами *недопустимы*. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции тов. Старовера приводит к положению *прямо неверному*. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию с'езда о них), а следовательно, и с либералами, которые встали бы на сторону социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения «не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание». И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не выставляли в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, выставляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные программы, требования, идущие вразрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить *необходимость*, «разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии», но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье «условие тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения *неразумно было бы* об'являть ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, «куцой» конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы «течение» г.г. «освобожденцев», но связывать себе руки, запрещая наперед «временные соглашения», хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция т. Старовера, подписанная также т.т. Мартовым и Аксельродом, *ошибочна*, и третий с'езд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиции, казуистичностью практических «условий», требуемых ею. Она *смешивает два вопроса:* 1) разоблачение «анти-революционных и противопролетарских» черт *всякого* либерально-демократического течения и обязательность *борьбы* с этими чертами, и 2) условие временных и частных *соглашений* с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма) и дает то, чего не надо (предписание «условий»). На партийном с'езде вообще нелепо вырабатывать конкретные «условия» временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента—суб'екта таких возможных соглашений; да если бы и был такой «суб'ект» налицо, то во сто раз рациональнее было бы предоставить опреде-

ление «условий» временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано с'ездом по отношению к «течению» г.г. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов).

Что касается до возражений «меньшинства» против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова «кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это идти «на муху с обухом?» (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком—«мизерный вывод»,—дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о «разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы не проявилась эта ограниченность и недостаточность». Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на с'езде Лиги, стр. 88 протоколов), что «все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала». Во-вторых сравнивать господина Струве с «мухой», когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно «Освобождения»—значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попробует указать нам *хоть одно единственное* «либеральное или либерально-демократическое течение» в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с «освобожденским» течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку!

«Имя Струве ничего не говорит рабочим»,—поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и тов. Мартову, акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже.

Каким рабочим «ничего не говорит имя Струве» (и имя «Освобождения», названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы, или вовсе незнакомы, с «либеральными или либерально-демократическими течениями» в России. Спрашивается, в чем должно состоять отношение нашего партийного с'езда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России? или в том, чтобы умалчивать о мало знакомом для рабочих, имени по случаю собственного их малого знакомства с политикой? Если т. Костров, сделав первый шаг за т. Акимовым, не захочет сделать и второго шага за ним, то он, наверное, решит этот вопрос в первом смысле. А решив его в первом смысле, он увидит, как несостоятелен был его вывод. *Во всяком случае* слова: «Струве» и «Освобождение» в плехановской резолюции во много раз больше *могут дать* рабочим, чем слова: «либеральное и либерально-демократическое течение» в резолюции Старовера.

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по «Освобождению». Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освобожденцев, чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки г.г. освобожденцев урезать демократический характер переворота.

Общая картина борьбы на с'езде. Революционное и оппортунистическое крыло партии

Мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании *всего* с'ездовского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами с'езда. Без общей «сводки», без общей картины всего с'езда и всех главнейших группировок при голосованиях этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не дает себе труда самостоятельного и всестороннего *изучения* протоколов с'езда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово division—разделение. Палата «разделилась» на такое-то большинство и меньшинство,—говорят про голосование известного вопроса. «Разделение» нашей социал-демократической палаты по различным, обсуждавшимся на с'езде вопросам, дает *единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности* картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину,* а не груду бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить *все основные* типы «разделений» нашего с'езда в виде диаграммы. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Вотировал ли за или против известного предложения тот или иной делегат,—это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным неименным голосованиям это можно определить на основании протоколов, с громадной степенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание *все* именные голосования и все те неименные, в которых затрагивались сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутри партийной борьбы, отличающееся наиболее достижимой, при наличном материале, об'ективностью. При этом вместо фотографического изображения, т.-е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т.-е. привести все главные *типы* голосований, игнорируя неважные, сравнительно, отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело. Во всяком случае, на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления *иной картины* на основании того же материала.

Нанося на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на с'езде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) «центр», и 4) анти-искровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели *на массе примеров* и если кому-либо не нравятся *названия* групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации «Искры» и о направлении «Искры», то мы заметим им, что дело не в названии. Теперь, когда оттенки прослежены нами на *всех* дебатах с'езда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие кое-кому ухо) характеристикой *существа оттенков между группами.* При такой за-

мене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия: 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие).

Перейдем к подробному изложению того, какие типы голосований «сняты» на прилагаемой диаграмме (см. диаграмму: «Общая картина борьбы на с'езде»).

Первый тип голосований (А) охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел «центр» против анти-искровцев или против части их. Сюда относятся: голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации (все за, кроме пяти бундовцев), голосование параграфа 2 устава Бунда (против нас пять бундовцев, воздержались пятеро: Мартынов, Акимов, Брукэр и Махов с двумя голосами, остальные с нами), *это голосование и представлено на диаграмме А*. Далее, того же типа были *три* голосования по вопросу об утверждении ц. органом партии «Искры»; редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того, при голосовании *мотивов* утверждения «Искры» воздержались пять бундовцев и тов. Мартынов ').

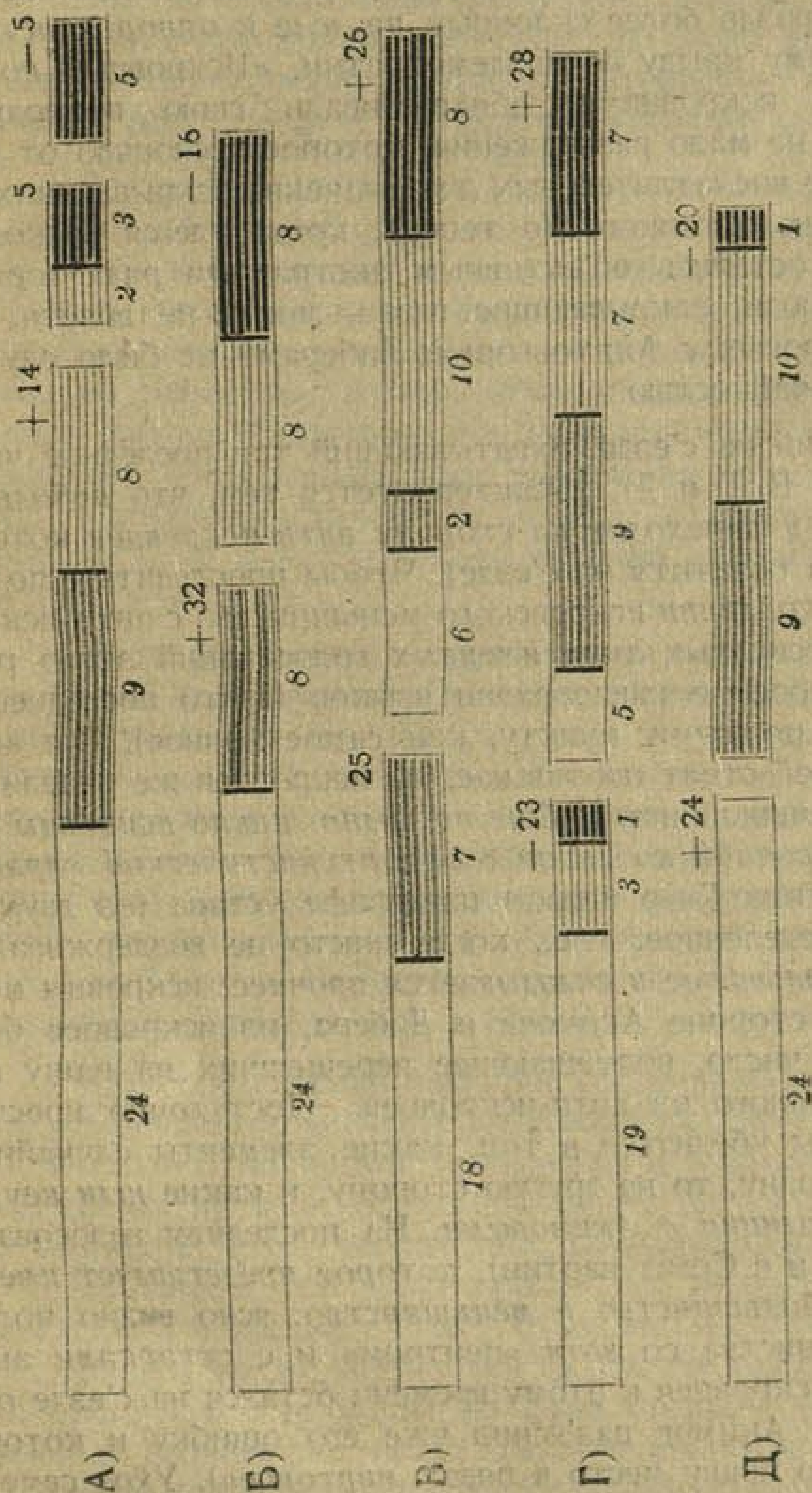
Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос: когда «центр» с'езда шел вместе с искровцами? Либо тогда когда *и анти-искровцы были с нами*, за малыми исключениями (принятие программы, утверждение «Искры» независимо от мотивов), либо тогда, когда дело шло о таких *заявлениях*, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы «Искры» не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп; отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на с'езде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной «Искры», которая (устами т. Мартынова) *затирает и затушевывает* разницу между искровцами и «центром», между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на *такие случаи, когда и анти-искровцы шли с нами!* Даже наиболее «правые» из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не вотируют против по таким пунктам, как *признание программы в целом*.

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы, последовательные и непоследовательные, шли вместе против всех анти-искровцев и всего «центра». Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда речь шла о признании «Искры» *на деле, а не на словах только*. Сюда относится *инцидент с О. К.* ''), постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распущение группы «Южный

') Почему для изображения на диаграмме взято именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому что голосования о признании „Искры" менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных, конкретно политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда однородных голосований нисколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

'') Именно это голосование изображено на диаграмме Б: у искровцев было 32 голоса, за резолюцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет ни одного именного голосования. На распределение делегатов указывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные: 1) в прениях ораторы обоих групп искровцев высказываются за, ораторы анти-искровцев и центра—против; 2) число голосов „за" всегда очень близко подходит к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на с'езде, мы отмечали, и помимо голосований, целый ряд случаев, когда „центр" шел с анти-искровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

Общая картина борьбы на втором с'езде Р. С.-Д. Р. П. 1903 г.

Обозначение групп:

— Искровцы большинства

— Искровцы меньшинства

— центр

— Анти-искровцы

Цифры с + и с — означают общее число голосов, поданных по известным вопросам *за* или *против*. Цифры внизу полосок означают число голосов каждой из четырех групп. Какого рода голосования об'емлются типами А—Д, изложено в тексте.

Рабочий», два голосования об аграрной программе и, наконец, в шестых голосование *против* заграничного Союза Русских социал-демократов («Рабочего Дела»), т.-е. признание Лиги единственной организацией партии за-границей. Старая, до-партийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролись здесь с принципиально-выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне важных (с точки зрения О. К., «Южного Рабочего» «Рабочего Дела») голосований... пока дело не коснулось *их собственной* кружковщины, их собственной непоследовательности. «Разделения» рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов *центр шел с анти-искровцами*, оказывался гораздо ближе к ним, чем к нам, гораздо более склонным *на деле* к *оппортунистическому*, чем к *революционному* крылу социалдемократии. «Искровцы» *по названию*, стыдившиеся *быть* искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила не мало раздражения, которое заслоняло от наименее вкумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы, и протоколы остались об'ективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью.

Третий тип голосований на с'езде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что *небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону анти-искровцев* которые поэтому и побеждают (пока остаются на с'езде). Чтобы проследить с полной точностью и развитие этой *коалиции* искровского меньшинства с анти-искровцами, приводятся все три основных типа *именных* голосований этого рода. *В*—это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех именных голосований по этому пункту, как самое полное). Все анти-искровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделились часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической «правой» с'езда*. Далее, голосование типа *Г*—о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т.-е., когда никто не воздерживался). *Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее:* искровцы меньшинства *все* уже стоят на стороне Акимова и Либера, из искровцев большинства—очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из «центра» и одного из анти-искровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону, и какие *шли неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми*. На последнем голосовании (Д—выборы в ц. о., в. Ц. К. и в Совет партии), *которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство*, ясно видно полное слияние искровского меньшинства со *всем* «центром» и с *остатками* анти-искровцев. Из восьми анти-искровцев к этому времени остался на с'езде *один* тов. Брукэр (которому тов. Акимов раз'яснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву место в рядах *мартовцев*). Уход семерки наиболее *«правых» оппортунистов* решил судьбу выборов против Мартова [1]).

И вот теперь подведем итоги с'езду, опираясь на об'ективные данные о голосованиях *всякого типа*.

---

[1]) Семь оппортунистов, ушедших с 2-го с'езда, это пять бундовцев (Бунд вышел из партии на втором с'езде после отклонения федеративного принципа) и два „рабочедельца" тов. Мартынов и Акимов. Эти последние ушли со с'езда после того, как заграничной организацией партии была признана только искровская Лига, то-есть был распущен рабочедельческий заграничный „Союз" русских социал-демократов.

(Примеч. к настоящему изд.).

Много толковали о «*случайном*» характере большинства на нашем с'езде. Из диаграммы ясно видно, что в *одном смысле*, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что-де семерка наиболее оппортунистических элементов «*правой*» ушла *случайно*. Поскольку случаен этот уход, *постольку* (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, *должна бы была быть* эта семерка [1]). Но, спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о «случайности большинства. Неприятный это для них вопрос. Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители *правого*, а не *левого* крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли *оппортунисты*, а не последовательные *революционные социал-демократы?* Не стоит ли этот «случайный» уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего с'езда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт *прикрывается* толками о случайности большинства. Это—тот несомненный и неоспоримый факт, что *меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии.* Меньшинство составили *наименее устойчивые* теоретически, *наименее выдержанные принципиально* элементы партии. Меньшинство образовалось именно из *правого крыла* партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось, не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения причин и перипетий расхождений. Пытаться *обойти* этот факт, посредством отрицания или затушевания борьбы на с'езде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков,—значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы *опровергнуть* этот факт, надо, *во-первых*, показать, что общая картина голосований и «разделений» на нашем партийном с'езде была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторых*, показать, что *по существу* всех тех вопросов, из-за которых «разделялся» с'езд *неправы были* те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев.

Факт составления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии, указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо знакомые с делом или плохо продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, об'яснять *расхождение* маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на с'езде, в пылу борьбы, отметил это), но из этой маленькой ошибки *могло* получиться *(и получилось)* много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие *целый ряд ошибок*, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и неважным фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а *партийным и не совсем неважным* фактом было образование весьма и весьма значительного меньшинства из *всех* наименее устойчивых элементов, «*из всех тех*, кто либо вовсе не признавал направления «Искры» и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с анти-искровцами.

[1]) Мы увидим ниже, что после с'езда и т. Акимов, и Воронежский Комитет, наиболее родственный т. Акиомву, прямо и выразили свое сочувствие „меньшинству"

Не смешно ли *об'яснять* расхождение господством заскорузлой кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции «Искры»? Нет, это не смешно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то в нашей партии*, что боролось в течение всего с'езда *за всякую кружковщину*, все то, *что вообще не могло подняться* над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на «исторический» характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узкокружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции «Искры». Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали т.т. Акимовы и Брукэры, которым не менее (если не более) дорога была «историческая преемственность» знаменитого Воронежского Комитета и пресловутой Петербургской «Рабочей» Организации, встали т.т. Егоровы, которые оплакивали «убийство» «Рабочего Дела», так же горько (если не еще более горько), как и «убийство» старой редакции, встали т.т. Маховы и пр., и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой,—гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует,—и я тебе скажу, какова твоя *политическая физиономия*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходным пунктом для *прочного союза* их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела, в силу этого союза, к *отрыжке* оппортунизма, к *реваншу* всех тех, с кем боролась «Искра» и кто готов был с величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на последовательных сторонниках революционной социал-демократии. Послес'ездовские события как раз и привели к тому, что в новой «Искре» мы видим именно отрыжку оппортунизма, реванш Акимовых и Брукэров (см. листок Воронежского Комитета), восторги Мартыновых, которым, наконец-то (наконец-то!), позволили в ненавистной «Искре» лягнуть ненавистного «врага» за все и всяческие прошлые обиды.

Сам по себе факт разделения с'езда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще собой не только ничего страшного и ничего критического, но даже ровно ничего ненормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма *мелких* ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало *большой шаг вперед всей нашей партии в целом*. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь *оттенки*, из-за которых можно и *должно* спорить, но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье «Чего не делать?», к которой мы еще вернемся). *Теперь*, когда *анархическое поведение* меньшинства *после с'езда* почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще бороться на с'езде из-за таких мелочей, как инцидент с О. К., распущение группы «Южн. Раб.» или «Раб. Дела», параграф 1, распущение старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так, тот вносит именно кружковую точку зрения в партийные дела: борьба *оттенков* в партии *неизбежна* и *необходима*, покуда борьба не ведет к анархии и расколу, покуда борьба идет *в рамках*, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии. И *наша борьба* с правым крылом партии *на с'езде*, с Акимовым и Аксельродом, с Мартыновым и Мартовым, *отнюдь не выходила из этих рамок*. Достаточно вспомнить хотя бы, что, когда т.т. Мартынов и Акимов уходили со с'езда, *мы все готовы были* всячески отстранить мысль об «оскорблении», *мы все принимали* (32 голосами) резолюцию тов.

Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться раз'яснениями и взять назад свое заявление.

(Параграфы о и п выкинуты в настоящем издании, так как в них описывается борьба из-за личного состава центров после с'езда, т. е. нечто такое, в чем всего меньше было принципиального, всего больше дрязг).

Новая „Искра". Оппортунизм в организационных вопросах

За основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельрода [1]. Конкретное значение целого ряда излюбленных им словечек мы уже показали подробно выше [2] и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил «меньшинство» (по тому или иному мелкому и мелочному поводу придти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов, независимо от их происхождения, независимо от «кооптации». Мы живем теперь под знаком уступчивости: сделаем же уступку товарищу Аксельроду и «возьмем всерьез» его теорию.

Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 «Искры») тот, что наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием». Именно: «принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии». Но у нас воздействие на рабочие массы исходит «со стороны чуждого им социального элемента»—радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

В этом тов. Аксельрод безусловно прав. Наличность этого антагонизма (и не в одной только русской социал-дем. партии) не подлежит сомнению. Мало того. Всем и каждому известно, что именно этот антагонизм в значительной степени и об'ясняет то деление современной социал-демократии на революционную (ортодоксальную тож) и оппортунистическую (ревизионистскую. министериалистскую, реформистскую), которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения. Всем известно также, что именно пролетарские тенденции движения выражает ортодоксальная, а демократически-интеллигентские—оппортунистическая социал-демократия.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает *ни малейшей попытки* проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном с'езде в частности,—хотя пишет т. Аксельрод именно по поводу с'езда! Как и вся редакция новой «Искры», т. Аксельрод проявляет *смертельную боязнь* перед протоколами этого с'езда. Это не должно нас удивлять после всего изложенного выше, но со стороны «теоретика», исследующего якобы разные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем *правдобоязни*. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. «Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам»,—говорит он.—«Почему бы проказнице истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?» По поводу этого приятного для тов. Аксельрода мечтания, мы можем только сказать, что, если истории случается проказничать, то это не оправдывает *проказ мысли* у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди,

---

[1] Эти фельетоны вошли в сборник „Искра за два года", ч. II, стр. 122 и сл. (СПБ 1906).

[2] Это „конкретное значение" относится к с'ездовской и послес'ездовской борьбе из-за личного сост ва центров, описание которой выкинуто в настоящем издании.

(Примеч. к настоящему изд.).

желавшие (*и умевшие*) проследить его «тенденции», ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этого вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе. Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать «общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении», не сумел *ничем, ну ровнехонько-таки, ничем,* доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то он этим выдал лишь себе *торжественное свидетельство о бедности.* Должно быть, уже совсем плохи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка т. Аксельрода—на «якобинцев»—еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к «историческим аналогиям эпохи Великой французской революции». Тов Аксельроду не безызвестно, вероятно, что *жирондисты современной социал-демократии* везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм» и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни тов. Асельрода и посмотрим на протоколы нашего с'езда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном с'езде. Тов. Акимов («вполне согласный» с тов. Мартыновым) заявляет: «абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководителей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у Народной Воли» (стр. 124 пр.). Тов. Акимову возражает т. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм *современных якобинцев* и современных *жирондистов* социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании *жирондистов* социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о «серьезном разногласии» по «основному вопросу», об «абсолютной ценности демократических принципов» (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры «центра» или болота (Егоров) и анти-искровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова «подражание буржуазной тактике» (стр. 170)—*это, именно, идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией,* с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдблата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли т. Аксельрод, что и этот спор показывает нам *воочию,* на нашем партийном с'езде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о параграфе 1 устава. Кто отстаивает *«пролетарские тенденции в нашем движении»,* кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организуйтесь!», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом?—*Якобинцы социал-демократии.* И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи?—*Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером.*

Неискусно же защищается т. Аксельрод от «ложного обвинения в оппортунизме», которое открыто распространялось на нашем партийном с'езде против большинства «Группы Освобождения Труда»! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.! Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном с'езде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме *оппортунизма,* не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ.* Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть *оппортунист.* Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К-о), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать *новое слово* (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая). В ближайшем номере «Искры» жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремление новой «Искры» под видом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится *пятиться назад,* чтобы в *далеком прошлом* попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения с'ездовской борьбы и сложившихся на с'езде оттенков и делений партии. К акимовскому глубокомыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет того, что не только «экономисты», но и «политики» были «односторонни», черезчур «увлекались» и пр., и пр. Читая выспренние рассуждения на эту тему в новой «Искре», чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашиваешь себя: с кого они портреты пишут? Где разговоры эти слышат? Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите «Искру» за последние год—два перед с'ездом партии, и вы увидите, что борьба с «экономизмом» стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43) о «временах экономизма» говорят, как об «окончательно пережитых», экономизм считают «окончательно похороненным», увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция «Искры» возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на с'езде с Акимовыми за те ошибки, которые они делали два года тому назад в «Рабочем Деле»? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на с'езде не за их старые окончательно похороненные ошибки «Раб. Дела», а за те *новые ошибки,* которые они делали в своих рассуждениях и в своих

голосованиях на с'езде. Не по их позиции в «Рабочем Деле», а по их позиции на с'езде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени с'езда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов, к новому делению партии на «большинство» и «меньшинство». Вся суть в том, что новая редакция «Искры» стремится, в силу легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления с *современным* оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неуменье об'яснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флер[1]) на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового деления лежит расхождение по вопросам *организационным*, начавшееся спором о принципах организациии (параграф 1 устава) и закончившееся «практикой», достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, *тактическим*.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая «Искра» старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода, через все писания новой «Искры» красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что «жизнеспособность организации прямо пропорциональна об'ему и значению того содержания, которое она внесет в движение», что централизм не есть «нечто самодовлеющее», не есть «талисман всеспасающий» и пр., и пр. Глубокие великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса,—но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе. Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (параграф 1), а действовал в организации, как анархист,—и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация?—ведь это лишь форма; что такое централизм?—ведь это не талисман: что такое синтаксис?—ведь это не менее важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... «Не согласится ли с нами тов. Александров,—победоносно вопрошает новая редакция «Искры»,—если мы скажем , что выработкой партийной программы с'езд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний? (№ 56, прил.). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой «Искры» совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу т. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, не-

---

[1]) См. статью Плеханова об „экономизме" в № 54 „Искры". В подзаголовок этой татьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вместо: „мысли вслух по поводу второго сезда партии" надо, очевидно, читать: „по поводу с'езда Лиги" или, пожалуй, „по поводу кооптации". Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмен вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодоксии к оппортунизму,—вопросом о старой (никем, кроме новой „Искры", не вспоминаемой теперь) ошибке Мартыновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодоксии.

уменье правильно поставить политические задачи,—пошлостью, выдаваемой за философию. Точь в точь так же и новая «Искра» оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы,—пошлостью, что-де программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве это не хвостизм? Разве это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декаденству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже *символическом*. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и вопросах тактики есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного об'единения, централизации партийной работы (господи, боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще единство организации, немыслимое, в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии, без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства и в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявили, что прежде, чем об'единяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах програмной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уж достаточное единство, формулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали *формы* единой, сливающей все кружки воедино организации. Нас оттащили к анархическому поведению, к анархической фразе, к восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции: «Боевое социал-демократическое направление—говорит тов. Александров—в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации». Редакция поучает нас: «Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации—только... формы (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу), долженствующее облекать текучее, развивающееся содержание—развивающуюся практическую работу партии». Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы, облекающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами *более высокими*, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы—это только формы. Точь в точь так же тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы новой «Искры» о «самовоспитании пролетариата», противопоставляемые тем, кто якобы, из-за формы, спо-

собен проглядеть содержание (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более «глубокое» содержание «пролетарской борьбы», ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталось некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками, на то, что органиация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа, пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а *некоторым интеллигентам* в нашей партии не достает *самовоспитания* в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй так же клевещут на пролетариат по вопросу о неподготовленности к организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубокомыслие «Практика» новой «Искры». «Настоящим образом понятая идея «боевой» централистической организаци,— говорит он, об'единяющей и централизирующей *деятельность* (углубляющий курсив) революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при наличности той деятельности (и ново и умно); сама организация, как форма (слушайте, слушайте!), может выростать лишь *одновременно* (курсив автора, как и везде в этой цитате) с ростом революционной работы, составляющей ее содержание» (№ 57). Не напоминает ли это паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: таскать вам, не перетаскать? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без кавычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т.-е. организация) давным давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в ногу! не опережайте! достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что *содержание* [1]) работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунд. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее *народные* движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А «форма»? «Форма» нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии «ковыряя в носу». Отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием—наше больное место, и она была больным местом еще задолго до с'езда, задолго до образования О. К. Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие

---

[1]) Я уже не говорю о том, что с о д е р ж а н и е нашей партийной работы намечено в программе и пр.) на с'езде в духе революционной социал-демократии лишь ц е н о й б о р ь б ы, борьбы с теми самыми анти-искровцами и тем самым болотом, представители которого численно преобладают в нашем „меньшинстве".

серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все исстрадались от этого несоответствия,— а тут являются Аксельроды и «Практики» новой «Искры» с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно выростать лишь одновременно с содержанием.

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (параграф 1), если вы вздумаете *углублять* вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом!—мы слышали этот мотив в применении к вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. *Хвостизм в организационных вопросах* представляет собой естественный и неизбежный продукт психологии *анархического индивидуалиста,* когда этот последний начинает возводить в *систему воззрений,* в особые *принципиальные разногласия* свои (в начале, может быть, случайные) анархические уклонения. На с'езде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой «Искре» мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на с'езде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Напр., тот же «практик» новой «Искры», с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне «как огромная фабрика», с директором, в виде Ц. К., во главе ее (№ 57 прилож.). «Практик» и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, незнакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно, фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет собой ту высшую форму капиталистической кооперации, которая об'единила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплоатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплоататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, об'единенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют Edelanarchismus, т.-е. анархизм «благородного» господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» (при чем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это—факт: именно такое назидательное замечание делает мне тов. Мартов в № 58 «Искры», ссылаясь, для вящшей убедительности на мои же собственные слова из «Письма к товарищу». Ну, разве это не «барский анархизм», разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков *оправдывают* сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не нужны нам были раньше уставы? Потому, что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организа-

ционной связью. Переход из кружка в кружок было делом одной только «доброй воли» того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные вопросы внутри кружков решались не по уставу, *«а борьбой и угрозой уйти»:* так выразился я в «Письме к товарищу», основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом, все жаловались на этот разброд, все тяготились им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают—под видом высших организационных взглядов—анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковской обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим *именно для замены* узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом,—ее необходимо базировать именно на *формальном,* «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом» идейной борьбы.

Редакция новой «Искры» козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что «доверие—вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы» (№ 56, прилож.). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации «Искры», я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я *не имею права* ссылаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины: я *обязан* мотивировать свое «доверие» или «недоверие» формальным доводом, т.-е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным «доверяю» или «не доверяю», а признать *подотчетность* своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан следовать *формально предписанному* пути для выражения своего «недоверия», для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от *кружковой* точки зрения безотчетного «доверия» до *партийной* точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и *проверки* доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша, так называемая, партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. «Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине»—поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы-де либо «столкуемся» (sic) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-«фабричного» формализма! А на самом деле—перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого кружка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к

анархическому глубокомыслию, возводящему в *принцип* социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски об'является уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций,—барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода), не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого «формально-бюрократического» определения *партийных* способов «столковываться» или размежовываться, пусть старая кружковская свалка освящается фразерством об «истинно социал-демократических» приемах организации.

Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов-интеллигентов. Но по мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный раобчий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха», должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» в организационных вопросах: это—защита *автономизма* против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаление о «незаслуженном невнимании к неискровцам» (защищавшим автономизм на с'езде), комичные крики о требовании «беспрекословного повиновения», горькие жалобы на «помпадурство» и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую осталость: и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры» тесно связана с защитой *автономизма*. Правда, автономизм настолько уже дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой «Искры», что открыто высказываться за него новой «Искре» *еще* стыдно; она еще уверяет нас в своих симпатиях к централизму, но доказывается это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к «принципам» «истинно-социал-демократического» (а не анархического?) quasi-централизма новой «Искры» изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о «незаслуженном невнимании к неискровцам»? И разве не автономизм защищали на нашем партийном с'езде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод на с'езде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав заграничной Лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой «Искры» (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом. Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на с'езде Лиги и защищает в новой «Искре»,—мне важно здесь отметить несомненную тенденцию *защищать автономизм против централизма*, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятия бюрократизма является противоположение в новой «Искре» (№ 53) «формально-*демократического* начала» (курсив автора) «формально-*бюрократическому*». Это про-

тивоположение (к сожалению, столь же не развитое и не раз'ясненное, как указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus ') демократизм, это и есть централизм versus автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится итти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае—организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распущения в этом единстве устарелых кружков таким верхом неизбежно является *партийный с'езд*, как верховный орган партии; с'езд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхом впредь до следующего с'езда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-помалу, не без труда, не без борьбы и не без дрязг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20-м саксонском избирательном округе (так наз., инцидент Гёрэ ") поставило на очередь дня принципы партийной организации. Возбуждению принципиального вопроса по поводу указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор небезызвестной книги: «Drei Monate Fabrikarbeiter» и один из «героев» Дрезденского с'езда)—самый ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов «Socialistische Monatshefte» (Социалистический Ежемесячник) сейчас же «заступился» за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать «новую» точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать, что тов. Вольфганг Гейне, это—немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

Товарищ Вольфганг Гейне пошел в поход в «Социалистическом Ежемесячнике» с неменьшей помпой, чем тов. Аксельрод в новой «Искре». Чего стоит одно уж заглавие статьи: «Демократические заметки по поводу инци-

') Versus—по отношению к

") Гёрэ был выбран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15-м саксонском округе, но после Дрезденского с'езда сложил с себя мандат; избиратели 20-го округа, ставшего вакантным после смерти Розенова, хотели предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правление партии и саксонский центральный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Гёрэ отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

дента Гёрэ (№ 4, апрель, «Soc. Monatshefte). И содержание—не менее громовое. Тов. В. Гейне восстает против «посягательств на автономию избирательного округа», отстаивает «демократический принцип», протестует против вмешательства «назначенного начальства» (т.-е. центрального правления партии) в свободный выбор делегатов народом. Дело тут не в случайном инциденте, поучает нас тов. В. Гейне, а в общей *«тенденции к бюрократизму и централизму в партиии»*, тенденция, которая замечалась-де и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо «принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни»... (плагиат из брошюры тов. Мартова: «Еще раз в меньшинстве»)... Не следует «привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра»,—надо предостерегать партию от «доктринерской политики, теряющей связь с жизнью» (позаимствовано из речи тов Мартова на с'езде партии о том, что «жизнь возьмет свое»)... «Если смотреть в корень вещей,—углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне,—если отвлечься от личных столкновений, которые и здесь, как и всегда, играли не малую роль, то мы увидим в этом ожесточении против *ревизионистов* (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами), главным образом, недоверие официальных лиц в партии против *«постороннего элемента»* (В. Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегает к англицизму: Outsidertum), «недоверие традиции к тому, что необычно, безличного учреждения к тому, что индивидуально, одним словом, ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше, как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии».

Понятие «дисциплины» внушает тов. В. Гейне не менее благородное негодование, чем тов. Аксельроду... «Ревизионистов,—пишет он,—упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в «Соц. Ежемесячнике»,—органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит *под контролем партии*. Одна уже эта попытка сужения понятия: «социал-демократический», одно уже это требование *дисциплины* в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации—только формы), свидетельствует о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности». И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать *«одну* всеохватывающую большую организацию, возможно более централизованную, *одну* тактику, *одну* теорию», громит требование «безусловнейшего повиновения», «слепого подчинения», громит «упрощенный централизм» и т. д., и т. п. буквально «по Аксельроду».

Поднятый В. Гейне спор разгорелся, и, так как в немецкой партии никакие дрязги из-за кооптации не засоряли его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на с'ездах, а постоянно в особом органе, то спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в «диктаторстве», «инквизиторстве», и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский («Neue Zeit», 1904, № 28, статья «Wahlkreis und Partei»—«Избирательный округ и партия»). «Статья В. Гейне,—заявляет он,—показывает ход мысли всего ревизионистского направления». Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины; за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к *дезорганизации*, к извращению «демократического принципа» в *анархизм*. «Демократия не есть отсутствие власти,—поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе,—демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его «владыками». К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно

присоединение к социал-демократии «*массы буржуазных элементов*» [1]) усиливает оппортунизм, автономизм и тенденцию к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно «организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат», именно «организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы».

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, «автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучений от церкви [2]) и выискивания ереси, к безконечным придиркам и дрязгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре».

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше «патетических декламаций» и дрязг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: «Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе». Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области К. Каутский формулирует при помощи «страшного слова»: бюрактизм versus (против) демократизма. «Нам говорят,—пишет К. Каутский,—что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местным избирательными округами значит «постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот»... Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос, всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). «Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (sämmtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями». По «обычному праву» германской партии и раньше отдельные избирательные округа «товарищески договаривались» с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. «Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его»... перейти к более «точному уставному закреплению (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (grössere Straffheit) организации».

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и «бюрократизма», тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту *буржуазная демократия*, — не та, которую проказница-история только еще обещала

---

[1]) В качестве примера К. Каутский называет Жореса. По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям „партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непозволительным стеснением их свободной личности".

[2]) Bannstrahl—анафема. Это немецкий эквивалент русского „осадного положения" и „исключительных законов". Это—„страшное слово" немецких оппортунистов.

по-секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду,—а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и в Германии не менее ученых и наблюдательных представителей, чем наши господа освобожденцы? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала,—как и русская, как и всегда, как и везде,—сразу за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала *«Франкфуртская газета»* выступил с громовой передовицей («Frankf. Ztg.», 1904, 7 Apr., № 97 Abendblatt), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют «самодержавие» в социал-демократической партии, «партийную диктатуру», «автократическое господство партийного начальства», эти «отлучения от церкви», которыми хотят «как бы наказать весь ревизионизм» (вспомните «ложное обвинение в оппортунизме»), это требование «слепого повиновения», «мертвящей дисциплины», требование «лакейского подчинения», превращения членов партии в «политические трупы» (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). «Всякая личная своеобразность,—негодуют рыцари биржи при виде анти-демократических порядков у социал-демократии,—всякая индивидуальность должна, изволите ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндерманн, реферировавший по этому вопросу» на партийном с'езде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой «Искры» по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного с'езда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером *всех* европейских соц.-дем. партий, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условий [1]. Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличность порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего миросозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с т.т. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные

[1] Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между г. г. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и г.г. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по организационному вопросу, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой „Искры“, бегло коснувшись спора Каутского с Герне (№ 64), боязливо обошла вопрос о принципиальных тенденциях всякого оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе.

и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунизм, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той, и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч., и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн, «согласен» с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, «коренной реформы» ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение «общих принципов» «критики» (состоящих, главным образом, в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар, тоже согласен с старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной «министериалистской» тактикой. Оппортунисты в вопросах организационных, т.т. Мартов и Аксельрод, тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть «закреплены уставным путем»; они тоже желали бы, безусловно желали бы, «коренной реформы» нашего организационного устава («Искра», № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала «общими вопросами организации» (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на параграф 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой «Искры», к автономизму, а признаться в своей *принципиальной* тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их «принципиальная» позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и о бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках;— декламации настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но—дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного «бюрократизма» неизбежно ведут к автономизму, попытки «углубления» и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного, и на практике поэтому выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип анархизма. Высмеивание дисциплины—автономизм—анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от всякой определенной формулировки своих принципов [1]). Точь в точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание «ортодоксии», правоверия, узости и неподвижности,—ревизионистская «критика» и министериализм—буржуазная демократия.

---

[1]) Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка г. Мартынова и г. Аксельрода по § 1 н е и з б е ж н о приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова—самозачисление себя в партию—есть именно ложный „демократизм", идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя [illegible]дея „бюрократична" в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного [illegible] к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и [illegible]кие фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомыслие,—все это наметилось уже [illegible] прениях о § 1. Тов. Мартов говорил о „начавшейся работе мысли" в новой „Искре". Это [illegible]вда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, [illegible] начиная с § 1. Беда только в том, что направление это оппортунистическое. Чем дальше [illegible] будут они „работать" в э т о м направлении, тем глубже они будут увязать в болоте.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота *обиды*, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного с'езда,—вы увидите, что меньшинство, это—все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы «обижали» до того, что они ушли со с'езда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности, тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамился), тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели «ложным обвинением в оппортунизме» за параграф 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайными результатом непозволительных острот, резких выходок, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по сию пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы «Искры». Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на с'езде с анти-искровцами и с «болотом». А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах с открытым забралом, переобидели такую кучу народа,—нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чуточку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счеты, бросились с рыданьями в об'ятия друг к другу и подняли знамя «восстания против ленинизма» [1]).

Восстание—прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, то хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, военнопленного. Он старается «сорвать сердце», вылавливая отдельные неловкие фразы у авторов той или иной резолюции в пользу «большинства», и восклицает при этом: «Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!» («Искра», № 63, приложение).

Ну, знаете ли, т. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой «Искры» совсем уже нищенствует. Как я ни беден, я еще не дошел до такого абсолютного обнищания, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный с'езд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или иную неловкую фразу, а во всех вопросах, и в организационных; и в тактических, и в программных держатся упорно и стойко принципов, противоположных принципам революционной социал-демократии. Как я ни беден, я еще не дошел до того, чтобы мне приходилось *скрывать от публики* преподносимые мне похвалы таких сторонников. А редакции новой «Искры» приходится делать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский комитет Росс. С.-Д. Раб. П.? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного с'езда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на с'езде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым. И вот, этот

---

[1]) Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову.

Воронежский комитет в январьском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

В нашей непрестанно растущей партии совершилось в прошлом году крупное и важное для партии событие: состоялся второй с'езд Р. С.-Д. Р. Партии—представителей ее организаций. Созыв с'езда партии дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва с'езда было исполнено далеко не совершенно и сам с'езд хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворил все требования, которые к нему пред'явила партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать с'езд, были арестованы и устраивали с'езд лица, выделенные одним только направлением в русской социал-демократии—искрянским. Многие организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам с'езда: отчасти потому задача с'езда по выработке программы и устава партии исполнена крайне несовершенно, крупные пробелы в уставе, „могущие повести к опасным недоразумениям", признаются самими участниками с'езда. На с'езде сами искрянцы раскололись, и многие крупные деятели Р. С.-Д. Р. Партии нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия „Искры", сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых, главным образом, Лениным и Плехановым. Хотя на с'езде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после с'езда уже внесли серьезные поправки. „Искра" сильно изменилась и обещает внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, хотя работы с'езда подлежат пересмотру следующего с'езда и, как очевидно для самих участников с'езда, не являются удовлетворительными, а потому и не могущими войти в партию как непреложные постановления, но с'езд выяснил положение дел в партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы. Постановления с'езда и устав, им выработанный, будут всеми организациями приняты во внимание, но многие воздержатся руководиться исключительно ими, в виду их очевидных несовершенств.

Воронежский комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо отзывался на все вопросы на организации с'езда. Он сознает всю важность происшедшего на с'езде, приветствует „поворот, совершившийся в „Искре", сделавшейся центральным органом (главным органом). Хотя положение дел в партии и в Ц.К. нас еще не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации партии будет усовершенствована. В виду ложных слухов, Воронежский комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского комитета из партии не может быть и речи. Воронежский комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей организации, каковой является Воронежский комитет, из Р. С.-Д. Р. Партии и *каким бы это упреком легло на партию* и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а настойчиво стремиться к об'единению всех сознательных рабочих и социалистов в одну партию. Притом второй с'езд был с'ездом очередным, а не учредительным. Исключение из партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет, не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из партии. Больше того, на втором с'езде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому *Воронежский комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в партию.*

Редакция новой «Искры», сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады; первую, же набранную петитом, часть редакция *предпочла опустить.*

Стыдно стало.

Нечто о диалектике. Два переворота

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обоих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и

оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр., и пр.

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной коньюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (параграф 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге [1]), но затем начинается «отрицание отрицания», и, «ужившись» кое-как с грехом пополам, в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто-идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтез, когда изолированная, случайная ошибка по порографу 1 выросла в quasi-систему оппортинустических вэглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалетика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda non dove va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный с'езд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после с'езда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакции, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революционное или оппортунистическое крыло партии являлось реальной силой, совершавшей переворот, надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли борцов, чтобы определить, вперед или назад двигала «мир» (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный с'езд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней

---

[1]) Трудный вопрос о разграничении дрязг и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрязга; все, что относится анализу борьбы на с'езде, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, к есть принципиальное расхождение.

партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее сколько-нибудь заметной части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого *партии*. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел—и прекрасно, что смел!—все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. «Партия не вынесла своего первого конгресса», как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое на-голову оппортунистическое крыло партии одержало временно, конечно,—верх над революционным крылом, подкрепившись случайной акимовской добычей.

В итоге получилась новая «Искра», вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на с'езде партии. Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрыжку оппортунизма—главным образом, в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает—независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания—политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии. Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систиматическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих, в особенности, с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном с'езде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей гибельностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует перед

буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Раз'единяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное об'единение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестки и шумиху *интеллигентского* анархизма.

Н. Ленин

РЕЗОЛЮЦИИ II-го С'ЕЗДА ПАРТИИ

II с'езд Р. С.-Д. Р. П. собирался в августе 1903 г. в Брюсселе-Лондоне; присутствовало 43 делегата от 26 организаций (в том числе от „Группы Освобождения Труда", организации «Искры», «Лиги революционной социал-демократии», «Заграничного Союза русских с.-д-тов», группы «Южный Рабочий», Центр. и Загр. Комитета Бунда и ряда местных комитетов) с решающим голосом и 14 лиц с совещательным голосом. С'езд был организован революционными с.-д., группировавшимися вокруг «Искры», и сразу взял твердый курс против оппортунистического крыла—«экономистов»; но на с'езде произошел раскол среди «искровцев» по организационному вопросу на „большинство" с Н. Лениным во главе, и „меньшинство" во главе с Л. Мартовым.

Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая II-м С'ездом

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем, как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд, в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и возвышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Пере-

производство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но, по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно—производительного процесса для обеспечания благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатуру пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета и капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи, как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуя сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям.

3. Широкое местное самоуправление, областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения.

4. Неприкосновенность личности и жилища.

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

6. Свободу передвижения и промыслов.

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности.

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях.

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

10. Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника.

11. Выборность судей народом.

12. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

13. Отделение церкви от государства и школы от церкви.

14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-демократическая Рабочая Партия требует отмены всех казенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня всех наемных рабочих восьмью часами в сутки.

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.

3. Полного запрещения сверхурочных работ.

4. Воспрещения ночного труда (от девяти часов вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса.

8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов.

9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.

10. Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и прочее).

11. Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы.

12. Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений, и за условиями отдачи их внаймы,—в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан.

13. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни.

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

15. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

16. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

3. Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных нужд и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или,—в том случае, если земли переходили из рук в руки,—выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат

в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно обязанные, хизаны и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и об'являть недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно, отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

Со своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

Резолюции II с'езда Р. С.-Д. Р. П.

1. О месте Бунда в партии

Принимая во внимание: а) что теснейшее об'единение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта,—

II-ой с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России и потому, решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Российской Социал-Демократической Рабочей Партией и Бундом, как ее составной частью, с'езд устанавливает, что Бунд занимает в единой Российской Соц. Дем. Рабочей Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке обще-партийного устава. В виду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда „Устав", как проект части общепартийного устава с'езд, относя обсуждение его к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

2. О местных организациях

По отношению к местным организациям, с'езд признает необходимым существование лишь одной руководящей организации в каждом центре деятельности Партии и поручает Центральному Комитету принять меры к установлению такого единства. Что же касается не местных организаций—военной, издательской и т. п., то существование таких организаций с'езд признает возможным под условием утверждения их Центральным Комитетом Партии.

3. О работе среди сектантов

Принимая в соображение: что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против

существующего порядка вещей, второй с'езд обращает внимание всех членов Партии на работу среди сектантства в целях привлечения их к социал-демократии.

С'езд поручает Центральному Комитету заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе тов. Бонч-Бруевича.

4. О показаниях на следствии

Принимая во внимание: а) что всякие показания, даваемые революционерами на жандармском следствии, независимо от воли революционеров служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц; б) что отказ от показаний, если он широко применяется, будет содействовать в сильной степени революционному воспитанию пролетариата,—

II-ой с'езд Российской Социал-Демокр. Рабочей партии рекомендует всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии.

5. Об отношении к либералам

(Плеханова).

Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы не проявились эта ограниченность и недостаточность,—

II-ой очередной с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде рабочих на антиреволюционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве.

6. О центральном органе Партии

Принимая во внимание: а) заслуги „Искры" в деле идейного об'единения, в деле развития и защиты принципов революционной социал-демократии и борьбы на почве этих принципов со всевозможными оппортунистическими течениями в нашей партии, а также с течениями, стремившимися совлечь движение рабочего класса с единственно верного пути; б) роль „Искры" в деле руководства практической партийной работой, и в) руководящую роль «Искры» в об'единительной работе,—

II-ой с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии об'являет „Искру" своим центральным органом.

7. О районных организациях

С'езд признает допустимым учреждение районных организаций, в виде союзов, комитетов в тех областях России, которые отличаются крупными особенностями в отношении языка, состава населения и т. п. Утверждение устава таких организаций поручается Центральному Комитету партии.

8. О социалистах-революционерах

Принимая во внимание: а) что интересы российского пролетариата вообще и его освободительного движения в особенности требуют, чтобы он в борьбе с абсолютизмом выступал, как вполне самостоятельная политическая сила; б) что только деятельность, направленная на об'единение пролетариата в такую силу, вносит социалистически-революционное содержание в борьбу с абсолютизмом; принимая далее во внимание: в) что «социалисты-революционеры» теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии,—с'езд конста-

тирует, что „социалисты-революционеры“ являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще

Принимая затем во внимание: а) что свои буржуазные тенденции „социалисты-революционеры“ преследуют под флагом социализма и б) что, кроме того, или именно потому, как буржуазно-революционная фракция, оказывается совершенно несостоятельной, с'езд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма.

Исходя из всего этого, с'езд безусловно осуждает всякие попытки затушевать принципиальное и политическое значение разногласий между „социалистами-революционерами“ и социал-демократами. Наоборот, он признает необходимым, как в интересах развития политической самостоятельности российского пролетариата так и в специальных интересах освободительного движения против абсолютизма, чтобы социал-демократы выясняли и подчеркивали буржуазные тенденции „социалистов-революционеров“ и их практическую несостоятельность с точки зрения обще-демократической.

В виду вышеуказанных соображений, с'езд решительно осуждает всякие попытки об'единения социал-демократов с «социалистами революционерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета.

9. О демонстрациях

Принимая во внимание: а) что при существующих в России условиях, политические демонстрации представляют одно из самых важных средств политического воспитания самых широких масс народа и расширения и укрепления влияния социал-демократии; б) что, демонстрации являются вместе с тем лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма; в) что постепенно разрастаясь, эти демонстрации должны привести и частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготовляя тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя,—

С'езд признает необходимым, чтобы местные комитеты пользовались удобными случаями для организации политических демонстраций.

Вместе с тем с'езд констатирует, что в прежней постановке этого вопроса на практике замечались существенные недостатки, для устранения которых с'ездом рекомендуется: 1) комитеты должны широкой предварительной агитацией стараться обеспечить сочувственное отношение к целям демонстрации самых широких слоев населения и осведомленность их о задачах партии; 2) для организации демонстраций следует пользоваться такими моментами, когда существует подходящее для этого настроение рабочих масс, избегая искусственного возбуждения демонстраций при отсутствии такого условия; 3) активное ядро демонстрантов должно быть достаточно многочисленно, хорошо организовано и подготовлено к своей роли; 4) должны быть применяемы меры для того, чтобы, в случае необходимости, демонстранты могли давать активный и, по возможности, вооруженный отпор полицейским, ордам; 5) в виду того, что при демонстрациях все чаще против народа применяются регулярные войска следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстраций и призвать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения их со стороны демонстрантов.

Второй с'езд Р. С.-Д. Р. П. признает желательным, чтобы Центральный Комитет направлял и об'единял усилия местных комитетов по организации демонстраций и взял в свои руки организацию общерусских политических демонстраций по одному общему плану.

10. О профессиональной борьбе

Принимая во внимание: а) что профессиональная борьба рабочих является необходимым следствием положения пролетариата в капиталистическом обществе; б) что эта борьба рабочих является одним из главных средств для противодействия тенденции капиталистического строя к понижению жизненного уровня рабочих; в) что эта

борьба, поскольку она развивается вне связи с политической борьбой пролетариата, руководимой социал-демократией, ведет к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего движения интересам имущих классов,—

С'езд признает, что задачей Р. С.-Д. Р. П. в области профессионального движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитации, за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом—об'единение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса.

Вместе с тем, в виду все более выясняющегося стремления царского правительства под формой «легализации рабочего движения» захватить в свои руки экономическую борьбу рабочего класса и, развратив его политически, сделать игрушкой своей политики, ввиду того, что эта, так называемая, «зубатовская политика» помимо ее реакционно-политической подкладки и полицейски-провокаторских методов ее проведения есть политика систематического предательства интересов рабочего класса в пользу капиталистов,—

С'езд рекомендует всем товарищам продолжать неустанную борьбу против зубатовщины во всех ее видах, разоблачать пред рабочими своекорыстный и предательский характер тактики зубатовских демагогов и призывать рабочих к об'единению в одном классовом движении борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата. В интересах этой задачи с'езд признает желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями, и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реакционного характера союза рабочих с самодержавием.

11. Об антиеврейских погромах

Ввиду того, что движения, подобные столь печально известному кишиневскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции средством, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата,—

С'езд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитских и всяких других национально-шовинистических подстрекательств.

12. О фабричных старостах

Исходя из положений, развитых в резолюции о профессиональной борьбе и принимая во внимание: а) что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления полицейской опеки над рабочим классом, б) что—как и все попытки правительства к «легализации рабочего движения»—этот закон может и должен стать исходным пунктом для агитации против самодержавия и для развития классового сомосознания пролетариата,—

С'езд рекомендует всем организованным товарищам принимать участие в выборах фабричных старост согласно новому закону, и вести агитацию при таких выборах для проведения наиболее надежных представителей рабочих и для разоблачения тактики властей и капиталистов при этих выборах.

13. О постановке пропаганды

Принимая во внимание: а) что рост рабочего движения в России далеко обгоняет рост кадра сознательных рабочих социал-демократов, могущих быть руководителями все осложняющейся борьбы российского пролетариата; б) что конспиративно-полицейские условия в высшей степени затрудняют правильную постановку кружковой пропаганды в сколько-нибудь широких размерах; в) что такого рода пропаганда встречает значительные препятствия в отсутствии достаточного количества опытных и умелых пропагандистов,—

С'езд признает необходимым, чтобы местные комитеты обратили самое серьезное внимание на правильную постановку пропаганды, руководясь при этом прежде

всего задачей выработки сознательных и активных агитаторов с определенным революционным мировоззрением. С'езд предлагает местным комитетам обратить особое внимание на подбор умелых пропагандистов и поручает Центральному Комитету принять все необходимые меры для систематизации и об'единения пропагандистской работы на местах, как-то: систематические указатели для занятий в кружках, ряд систематически подобранных брошюр пропагандистского характера и т. д.

14. Об отношении к учащейся молодежи

Второй с'езд Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям Партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического миросозерцания, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а, с другой стороны, с русским народничеством и западноевропейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, стараться при переходе к практической деятельности заранее завязать связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

15. Об Амстердамском конгрессе

Международные социалистические конгрессы должны не только свидетельствовать о солидарности рабочих всего мира, но в известной мере и руководить идейной и практической борьбой пролетариата. Поэтому, второй с'езд Российской Социал-Демократической Партии рекомендует Совету Партии позаботиться о соответствующем представительстве на Амстердамском конгрессе 1904 года, чтобы и там защищать те принципы революционной социал-демократии, которыми партия руководствуется во всей своей деятельности.

16. О партийной литературе

Принимая во внимание: а) что развитию рабочего движения вширь должно соответствовать возможно более ясное понимание рабочими массами ближайших и конечных целей социал-демократии; б) что насущной задачей Партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей, и считаясь с состоянием партийных сил в данное время,—

С'езд признает необходимым: 1) чтобы Ц. О. Партии уделял возможно более места вопросам политической и общественной жизни в форме, возможно более доступной широкому кругу читателей, с устранением, по возможности, статей чисто теоретического характера; 2) чтобы, в этих видах и в целях более систематического выяснения вопросов социалистической теории, «Заря» превращена была в орган партии, при чем об условиях издания этого органа с'езд поручает Центральному Комитету согласиться с редакцией Центрального органа; 3) чтобы была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций с'езда по вопросам тактики.

С'езд поручает центральным учреждениям Партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизнь этих решений.

17. Проект организационного устава Р. С.-Д. Р. П., внесенный на с'езд Лениным

1. Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций *).

---

*) § 1 Устава был принят II с'ездом в редакции Л. Мартова. Ред.

2. Верховным органом партии является партийный с'езд. Он созывается Ц. К. (по возможности не реже одного раза в два года). Ц. К. обязан созвать с'езд, если этого требуют комитеты или союзы комитетов партии, имевшие вместе 1/3 голосов на последнем с'езде, или если этого требует Совет партии. С'езд считается действительным, если на нем представлено более 1/2 всех наличных в момент с'езда (правоспособных) комитетов партии.

3. Представительство на с'езде имеют: а) Ц. К., б) редакция Ц. О., в) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, г) все союзы комитетов, признанные партией, и д) заграничная Лига. Каждая из перечисленных организаций имеет на с'езде по два решающих голоса. Новые комитеты и союзы комитетов получают представительство на с'езде только при условии утверждения их не меньше как за 1/2 года до с'езда.

4. Партийный с'езд назначает Ц. К., редакцию Ц. О. и Совет партии.

5. Ц. К. об'единяет и направляет всю практическую деятельность партии и заведует центральной партийной кассой, а равно всеми общепартийными техническими учреждениями. Он разбирает конфликты как между различными организациями и учреждениями партии, так и внутри их.

6. Редакция Ц. О. руководит партией идейно, редактируя Ц. О. партии, научный орган и отдельные брошюры.

7. Совет партии назначается с'ездом из числа членов Ц. О. и Ц. К. в составе пяти лиц. Совет решает дела о пререканиях или разногласиях между редакцией Ц. О. и Ц. К. в области вопросов обще-организационных и тактических. Совет партии возобновляет Ц. К. в случае полного его провала.

8. Новые комитеты и союзы комитетов утверждаются Центральным Комитетом. Каждый комитет, союз, организация, или группа, признанные партией ведают делами, относящимися специально и исключительно к данной местности, к данному району, к данному национальному движению или к данной функции, особо порученной этой группе, обязуясь, однако, подчиняться постановлениям Ц. К. и Ц. О. и давать средства в центральную партийную кассу, в размерах, определенных Ц. К.

9. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К. или Ц. О. или партийному с'езду.

10. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К. и редакции Ц. О. все средства для ознакомления со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

11. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения членов требуется 2/3 голосов.

12. Заграничная Лига русской революционной социал-демократии имеет целью пропаганду и агитацию заграницей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов, с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц или групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

ОТ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ РАЗНОГЛАСИЙ К ТАКТИЧЕСКИМ

Рост либерального движения

По мере того как развивались вызванные японской войной события, либеральное движение росло и ширилось. Возникло не только сильное забастовочное движение среди рабочих, не только студенческое движение, но произошел также громадный сдвиг среди земцев-либералов, увидевших, что самодержавие влипло в историю, из которой оно не вылезет. Либеральная буржуазия почувствовала, что война неизбежно принесет конституцию, подобно тому, как крымская война повлекла за собою освобождение крестьян в 1861 году. И чем больше японцы били царские войска, чем яснее самодержавие доказывало, что оно—колосс на глиняных ногах, тем смелее, и даже наглее, в силу тогдашнего переплета социальных сил, становилась русская буржуазия. Мало того: обретя храбрость, она начала организовываться с удивительной быстротой, при чем, как это вполне понятно, эта организация выливалась у нее в те формы, какие ей были свойственны. У рабочего класса, когда в недрах его начинается под'ем, движение принимает, обыкновенно, формы стачек, массовых демонстраций, а затем—вооруженного восстания; но либеральной буржуазии свойственны иные приемы борьбы: собрания, банкеты и петиции. Самые знатные земцы, среди которых многие были княжеского рода, повели систематические кампании на губернских земских собраниях, составляли на них свои резолюции, которые они называли адресами, и, покрывая их своими подписями, направляли царю. В этих адресах они ему говорили, что он должен послушаться общественного разума и «голоса страны», т.-е. их голоса, и дать народу конституцию, призвав их, земцев, к власти. Скоро это земское движение достигло своей высшей точки, выразившись в форме посылки депутации к царю. Это было все, на что либералы могли решиться.

Взаимоотношения рабочего класса и буржуазии в 1904 году

В связи с этим пробуждением буржуазии к политической жизни, чего до тех пор в России не наблюдалось, снова возник с особой остротой вопрос об отношении рабочего класса к буржуазии, тот самый основной вопрос, с которым мы сталкивались на всех этапах истории партии и к которому, в конце концов, сводятся все наши разногласия с меньшевиками. Этот вопрос уже вставал, как мы видели, и в легальном марксизме, и в борьбе с народниками, со Струве, с экономистами и на 2-ом с'езде партии, когда была предложена с одной стороны, резолюция Ленина-Плеханова, а с другой—Мартова и его единомышленников. На этот раз, в 1904 году, вопрос этот возник впервые уже не как теоретический, а как политический и архи-злободневный: либеральная буржуазия пришла в движение, и рабочему классу надо было решить – как относиться в этом случае к буржуазии? И вот тут-то, как и раньше, между нами и меньшевиками обнаружились крупные разногласия.

Меньшевики выдвинули, так называемый, план земской кампании, который сводился к следующему. Принимая во внимание, что повсюду происходили губернские собрания представителей либерального земства, обсуждавших положение в России и обращавшихся с петициями к царю, рабочий класс должен был, по мнению меньшевиков, посылать на эти собрания своих представителей, поручив им сказать дворянам и либеральной буржуазии, что рабочие будут их поддерживать и пойдут вместе с ними, если они будут энергично продолжать свою петиционную кампанию. При этом меньшевики особенно напирали на то, что рабочие не должны запугивать либеральную буржуазию своими чрезмерными пролетарскими требованиями. Меньшевистская „Искра", та писала прямо и открыто:

Если посмотреть на арену борьбы в России, что мы увидим? Только две силы: царское самодержавие и либеральную буржуазию, которая сорганизовалась и имеет теперь громадный удельный вес. Рабочая масса же распылена и ничего не может сделать; как самостоятельная сила, мы не существуем, и потому наша задача заключается в том, чтобы вторую силу—либеральную буржуазию—поддерживать, ободрять и, ни в коем случае, ее не запугивать пред'явлением своих самостоятельных пролетарских требований.

Из этой постановки вопроса план меньшевиков выступает с особенной ясностью: рабочий клас, как самостоятельную силу, надо скинуть со счетов, имея в виду лишь две силы: царя и либеральную буржуазию. Какая из них лучше? Конечно, либеральная буржуазия. А если так, давайте поддержим ее. В этой постановке вопроса ярко сказался оппортунизм меньшевиков и обнаружился их курс: на блок, на союз с буржуазией, а не на самостоятельную роль рабочего класса.

Позиция тов. Ленина

Против этого меньшевистского плана, явившегося первым крупным практическим разногласием после второго с'езда, на котором большевистская партия начала складываться, решительно выступил большевизм в лице тов. Ленина, написавшего по этому поводу ряд статей и брошюр, которые можно считать первыми важнейшими политическими документами большевизма. Их надо изучить всякому, кто хочет понять историю нашей партии.

Тов. Ленин, отвечая меньшевикам, говорил:—Вы требуете от нас, чтобы мы не запугивали либералов и либеральствующих дворян, но, ведь, вы сами себя запугиваете тенью запуганного либерала. Вы полагаете, что надо иметь в виду только две силы: царское самодержавие и либеральное дворянство, но вы кое-что забыли, вы не заметили малого; ведь, кроме этих двух сил, есть еще одна громадная, решающая, суверенная: рабочий класс, который сорганизовался и который, несмотря на то, что его партия—в подполье, что его бьют на каждом шагу в три кнута, все-таки является главной движущей силой революции. Вы забыли, что пролетариат имеет свою самостоятельную задачу, а не только выбор: либо царь, либо Родичев, либо царская монархия, либо либеральная конституция; вы забыли, что у него есть свой путь, ведущий к соединению с крестьянством, к настоящей народной революции, которая вырвет с корнем монархию, выжжет каленым железом остатки феодализма и станет первым шагом к подлинной пролетарской революции.

И, основываясь на этих словах тов. Ленина, мы, большевики, выдвинули другой пл н: когда буржуазия начинает путаться в ногах у монархии и, якобы, с ней бороться, в этот момент мы и должны выступить, как самостоятельная сила, выйти на улицу, громить поли

цейские участки и т. д. Последний проект меньшевикам особенно не понравился, и они принялись над нами насмехаться: что же мы, по-вашему, громилы? разве это революционная работа—громить полицейские участки? По их мнению, гораздо важнее было ходить на губернские собрания либеральных дворян и поддерживать их, «не запугивая». Сыграет ли рабочий класс самостоятельную роль в революции или останется прихвостнем либеральной буржуазии? Будет ли он простым придатком буржуазии, ее левым крылом, или, наоборот, самостоятельной и главной движущей силой революции, которая произведет своим вмешательством известную перетасовку в соотношении классовых сил? Так стоял вопрос.

Отход от меньшевиков

И вот тогда-то, в эту земскую кампанию, когда вполне обрисовалась позиция меньшевиков и их тактика поддержки буржуазии и союза с ней, от них стали отходить Парвус и тов. Троцкий, которые их до тех пор поддерживали. В то же время большевизм стал укрепляться, так как к нему стали переходить все революционеры и рабочие, которые считали до тех пор все разногласия лишь спорами о пустяках и деталях, а теперь убедились, что дело шло не о второстепенном вопросе, но об исторической роли рабочего класса в революции, другими словами, о характере самой русской революции: быть ли ей обычной буржуазной революцией, какие не раз уже были в 1848 году и раньше, или же стать революцией нового типа, когда главной движущей силой и гегемоном будет рабочий класс. С этого момента, повторяю, в большевизме начался процесс консолидации и, как губка всасывает воду, так и он стал притягивать к себе наиболее революционные элементы тогдашней социал-демократии, убедившиеся, наконец, в его правоте.

Здесь необходимо сказать, попутно, несколько слов относительно внутрипартийных и организационных вопросов, которые развели нас и меньшевиков в разные стороны.

Спор о демократизме внутри партии

В 1904—5 годах большую роль сыграл вопрос о демократизме в партии. Это—весьма интересный эпизод, бросающий яркий свет на некоторые споры нашего времени. Меньшевики стояли за „последовательный демократизм“ в партии, за строгое выборное начало, между тем как большевики, с тов. Лениным во главе, решительно против него тогда боролись. В данную минуту молодым товарищам может показаться странным, как это большевики были против демократизма, против выборности в партии, а меньшевики стояли и за то и за другое. Но их недоумение легко рассеять.

Дело в том, что меньшевики не верили в самостоятельную роль пролетарской партии в революции, не верили, что нам удастся, при самодержавии, создать серьезную пролетарскую партию. Как я уже говорил, они хотели иметь такую партию, куда легко и свободно могли бы входить и студент и профессор; они думали, что наша партия всегда будет интеллигентской, и стремились, поэтому, к такой, вполне законченной постройке, при которой каждый «его величество интеллигент» сможет получить свою долю прав, когда никто его не будет „угнетать“, когда он будет выбирать и слушать отчеты,—одним словом, когда будет «настоящий демократизм»—совсем „как в Европе“.

Большевики, устами тов. Ленина, возражали им следующее:—И мы стоим за демократизм, но только тогда, когда он действи-

тельно будет возможен; теперь же демократизм был бы игрой в бирюльки, а этого мы не хотим, потому что нам нужна серьезная партия, которая могла бы бить царя и буржуазию. В настоящее время, когда мы—в подполье, мы осуществить подлинный демократизм партии не сможем; нам нужна организация испытанных профессиональных революционеров, доказавших долгими годами работы, что они готовы отдать свою жизнь за революцию и партию; и вот этих-то людей мы возьмем и им в руки отдадим свою судьбу. При самодержавии, при его зверских репрессиях, если мы будем гнаться за выборностью, за демократизмом, мы только поможем царской шайке разбить нашу организацию и облегчим царским сыщикам и провокаторам охоту на наших людей.

Меньшевики, как ловкие демагоги, ловили всех мало опытных рабочих, печатали их письма и кричали: „Вот видите! Это—рабочие, они требуют выборности, а вы их обижаете, не соглашаетесь". В Питере есть рабочий Глебов-Путиловский (он был тогда меньшевиком), написавший, в таком именно духе, очень путанную брошюру за демократизм. Меньшевики моментально ее напечатали с предисловием самого Аксельрода, заявив: вот видите--его устами глаголет весь пролетариат, все рабочие требуют выборности, а вы ее не даете.

Тов. Ленин отвечал статьей: „Соловья баснями не кормят". Смысл ее был таков:

Мы тоже знаем рабочих: они стоят за демократизм, как и мы, но за такой, который действительно нам нужен; и, когда он будет возможен, мы первые проведем его. А своими сказками вы только заговариваете зубы. Настоящий серьезный рабочий понимает, что демократизм и выборность—не самоцель, а средство для освобождения рабочего класса. Мы строим партию так, как это нам выгоднее для борьбы в данный момент. А в эту минуту нам необходима строгая иерархия и централизм.

Теперь нам ясно, что в то время меньшевики пытались при помощи „демократизма", играть с рабочими, рассчитывая поймать их на эту удочку. Они кричали на всех перекрестках: „Мы предлагаем выборность, а большевики против; значит, они против вас, а потому—идите к нам". Но скоро рабочие их раскусили.

Организационно события развивались, в этом отношении, следующим образом.

Засилье меньшевиков

На втором с'езде большевикам достались, как известно, и Центральный Комитет партии, и ее центральный орган, которым руководили Плеханов и Ленин и Совет Партии. В последний входили два представителя от Центрального Комитета, два—от центрального органа партии, который находился за границей, и пятый—председатель, которого выбирали на самом с'езде. Этим пятым был выбран Плеханов. В Совете Партии у нас тоже было большинство. Однако, через несколько месяцев, когда Плеханов повернул фронт, а часть членов-большевиков Центрального Комитета была арестована в России, получилась такая вещь: сначала перешел к меньшевикам центральный орган партии „Искра", за тем из наших рук выскользнул Центральный Комитет, куда, после ареста наших товарищей, выбрали меньшевиков, и, наконец, Плеханов, перейдя на сторону меньшевиков, принес им в приданое и Совет Партии. В короткое сравнительно время мы потеряли все эти центральные позиции. Меньшевики сидели и в Центральном Комитете, и в центральном органе партии, и в Совете Партии, и Мартов мог разгуливать, надев

по ермолке на каждую руку, ибо он был „един в трех лицах“— Совет Партии, Центральный Комитет и центральный орган партии.

Такое положение было для нас чрезвычайно тяжелым. Надо сказать, что в то время весь авторитет партии был на стороне меньшевиков. Тов. Ленин, при всем весе, каким он пользовался в партии, был все-таки, по сравнению с Плехановым, еще молодым деятелем. А это имело, конечно, большое значение. Я, например, вспоминаю свои первые беседы с Плехановым (в то время я и подавно был „комсомольцем“), когда он запугивал нас, говоря: „За кем вы идете? Вы посчитайте только, кто на нашей стороне: я (Плеханов), Мартов, Засулич, Аксельрод и другие, а там, у вас, один только Ленин. Ведь, дело, в конце концов, повернется так, что через несколько месяцев все воробьи будут смеяться над вашим Лениным. А вы идете за ним!“ И, действительно, часть партии была под гипнозом этих старых авторитетов заслуги которых (хотя бы такого человека, как Плеханов) были громадны.

Положение большевиков было, повторяю, чрезвычайно трудным и осложнялось еще тем, что не было возможности опросить партию, которая была загнана в подполье и подвергалась яростным преследованиям со стороны царизма.

Бюро Комитетов Большинства (Б. К. Б.)

В связи с таким положением, для большевиков все острее и острее выявлялась необходимость сорганизоваться особо и формально закрепить эту организацию. Тов. Ленин, которого многие, в особенности меньшевики, прославили, как свирепого и неутомимого „раскольника“, хотя, на самом деле, он решался на такие шаги с большим трудом и после многих размышлений, когда иного выхода не оказывалось,— тов. Ленин, после долгого размышления и всестороннего рассмотрения вопроса, решился на этот раскол. На него повлияло также, до известной степени, давление русских комитетов и, отчасти, тогдашней, более нетерпеливой большевистской молодежи, которая говорила: время не ждет, революция близка, надвигаются крупные события (дело было незадолго до 9 января), надо организовать свою партию. И вот, целый ряд областных конференций партии—северной, южной, московской и др.—выдвинул план создания в России „Бюро Комитетов Большинства“, в противовес меньшевистскому Центральному Комитету. Когда, таким образом, основалась всероссийская центральная организация большевиков, вступившая в непосредственную борьбу с меньшевистским Центральным Комитетом, тогда тов. Ленин дал окончательное свое согласие на организацию отдельной партии, после чего мы приступили к изданию заграницей первой большевистской газеты, которая называлась „Вперед“ и вышла в начале 1905 года в Женеве, питаясь жалкими средствами, собранными по грошам среди большевиков, сочувствовавших этому движению. «Вперед» продолжал дело старой, ленинской «Искры», но уже в новой обстановке, и закладывал основание тактики большевиков. Таким образом, к началу 1905 года большевики имели в России Бюро Комитетов Большинства, а за границей большевистский орган «Вперед». Меньшевики, с своей стороны, имели в своем распоряже ии Центральный Комитет, центральный орган и Совет Партии.

9-ое января

В такой обстановке, когда партия была все еще распылена, все еще пребывала в подполье, а внутри нее шла сильная борьба двух оформлявшихся течений, разыгрались события 9-го января. Я не буду

говорить о них сколько-нибудь подробно. Их основное содержание заключалось в том, что, через голову оформленной партийной организации, беспартийная рабочая масса вышла на улицу, заполнила площадь Зимнего дворца и показала, что меньшевики ошибались, когда говорили, будто на арене борьбы действуют только две силы: царская монархия и дворянская оппозиция. 9-е января доказало, что есть еще одна сила, которую меньшевики, как слона, и не заметили, а именно—рабочий класс. Правда, рабочая масса еще ясно не знала, чего она хотела, она была неорганизована и не имела своих вождей, выдвигая, в качестве таковых, случайных людей; правда она шла с иконами, была несознательна и ее расстреляли, как стаю уток,—все это так, но эта масса существовала и была могучим политическим фактором. Ее выступление 9-го января потрясло всю Россию, а это было куда ценнее всяких либеральных резолюций и петиций. 9-го января рабочий класс доказал, что он жив и что задача истинных революционеров была не в том, чтобы бегать по губернским собраниям и передним знатных земцев, не в том, чтобы говорить спокойные и никого не „пугающие" речи, а в том, чтобы возглавить бурно разразившееся рабочее движение, которое прорвалось, как плотина, не имея на первых порах ни вождей, ни ясной политической программы. Другими словами, было туловище, к которому надо было приставить голову: надо было партии вмешаться в эту массу, взять на буксир ее великое движение и повести ее по историческому пути рабочего класса.

9-ое января и дальнейшие события выдвинули, как известно, несколько случайных беспартийных фигур. Это факт вполне понятный и об'ясняется он тем, что партия была тогда в подполье и не могла связаться как следует с поднимавшейся рабочей массой. Среди этих случайных фигур были Гапон, Хрусталев и лейтенант Шмидт,—люди сильно отличавшиеся друг от друга, но все три совершенно новые для революции. Гапон, сыгравший 9-го января крупную роль, оказался потом провокатором и был казнен революционерами; Хрусталев, впоследствии отошедший от партии, показал себя полуавантюристом. А что касается лейтенанта Шмидта, то, будучи довольно привлекательной фигурой, он не был все же сознательным революционером. На-днях вышли его письма к близкому человеку, которые я советую каждому из вас прочитать, так как они представляют большой интерес, как человеческий документ, затрагивающий, между прочим, некоторые вопросы личной этики. Со страниц этой книги Шмидт смотрит на нас глубоко преданным революции человеком, спокойно шедшим за нее на смерть, но, вместе с тем, мы видим, что в политическом отношении это был человек без руля и без ветрил. Это можно сказать при всем уважении к его памяти. В письме к близкому ему человеку Шмидт пишет: «Надо повидаться с Милюковым и обсудить с ним важные дела. Я надеюсь с ними сговориться. Мы пойдем вместе с ними». Таким образом, он был вначале полукадетом.

Значение 9-го января

Я привел эти имена, чтобы показать, какие неожиданные фигуры выдвигало тогда движение, выбрасывая на свою поверхность людей, не имевших ясной программы и не знавших, как руководить всколыхнувшимися массами. Тот самый Шмидт, который руководил восстанием в черноморском флоте, мечтал, вместе с тем, сговориться с кадетами, т.-е. с помещичьей и монархической партией, каковыми были тогда „конституционные демократы". Нисколько, поэтому, не удивительно, что три крупных, каждая по-своему, фигуры, выдвину-

тые 1905-м годом, остались эпизодическими, так как не имели корней в рабочем классе.

9-ое января поставило на очередь общий вопрос о том, как должна партия руководить могучим движением рабочих, которые рвутся в бой, но, в то же время, не имеют программы, не знают, чего хотят, и идут к Зимнему дворцу с иконами и хоругвями. Вместе с тем, 9-ое января, гулко прогремевшее на всю Россию, уничтожило веру в монархию. Это не преувеличение. Рабочие, еще вчера верившие в монархию и думавшие, что плохи тольки министры, увидели, что их самый страшный враг—именно монархия, именно царь.

Споры вокруг лозунга „Временное Революционное Правительство".

Что касается нашей партии, то перед ней 9-ое января поставило во весь рост вопрос о власти или, как тогда говорили, об участии во временном революционном правительстве. Большевики со всей силой выдвинули лозунг: организация вооруженного восстания и создание Временного Революционного Правительства. Но меньшевики энергично против него возражали. И снова, крайне характерно, что против нашего участия во временном революционном правительстве они приводили, якобы, „марксистские" доводы. Они говорили: «Как можем мы, социалисты, войти в правительство, которое не будет социалистическим»? Они намекали на свежий западно-европейский опыт.

Как раз незадолго во Франции закончилась эпопея, так называемого, мильерандизма. Слово это происходит от имени нынешнего президента французской буржуазной республики—Мильерана. В те годы он был социалистом и даже, одно время,—левым. Но потом буржуазия его подкупила и привлекла к участию в правительстве. Он вошел во французский буржуазный кабинет, говоря: „Я иду туда, чтобы защищать там интересы рабочих". Но он там этого не делал и не мог, конечно, делать, а постепенно стал агентом буржуазии. Против Мильерана, против мильерандизма, боролись все ортодоксальные марксисты, и на Амстердамском с'езде даже Второй Интернационал высказался против него. Там по этому поводу произошел поединок между покойным Жоресом, защищавшим (правда, наполовину) мильерандистскую тактику, и Бебелем, который был против участия в буржуазном правительстве. Победил Бебель, и было постановлено, что участие социалистов в буржуазном правительстве ни в коем случае не допустимо, ибо всякий такой социалист на деле станет заложником, приказчиком буржуазии и будет ею использован. Во Франции оно так и было. Мильеран, уже через год, расстреливал бастовавших рабочих, а ныне он—президент французской буржуазной республики.

Меньшевики не преминули припутать к нашему спору этот французский опыт. Они говорили: „А как же мильеранизм? Посмотрите, что из этого вышло. Можем ли мы после этого участвовать во временном революционном правительстве России?" А мы им отвечали: «Позвольте,—но вы не замечаете одной небольшой детали: во Франции Мильеран пошел в устойчивое буржуазное правительство, когда никакой революции не было,—попросту говоря, он продался буржуазии. У нас же, в 1905 году, дело идет о том, чтобы свергнуть царя, трон которого уже трещит, а для этого надо в ходе борьбы создать какую-нибудь центральную революционную рабоче-крестьянскую организацию, другими словами,—временное революционное правительство».

Точка зрения меньшевиков в вопросе о лозунге „Временное Революционное Правительство"

Но меньшевики стояли на своем, пуская в ход софизмы, подтасовывая факты и указывая на мильерандизм, т.-е. распевая совсем из другой оперы. Что было бы, если бы их взгляд, будто мы не должны входить во временное революционное правительство, одержал победу? Было бы то, что после падения царизма в правительство прошла бы буржуазия (ибо кто-нибудь, ведь, должен организовать правительство). Именно этого меньшевики и хотели. Их точка зрения была такая: рабочие не должны соваться в политику: их дело маленькое—экономическая борьба или поддержка либеральных земцев; а что до временного революционного правительства—или, вернее, временного нереволюционного правительства,—то его сумеет организовать и Милюков. И, действительно, в 1917 году они были рады-радехоньки, что нашелся Милюков и осчастливил их, согласившись принять из рук эсеров и меньшевиков власть, завоеванную рабочими.

Из вышесказанного ясно, почему меньшевики выступали против лозунга «временное революционное правительство». Их пуританские, на первый взгляд, доводы были не чем иным, как оппортунизмом. Верные своей неизменной тактике, они пользовались всем, вплоть до марксистской терминологии, чтобы оттиснуть рабочих от власти и лишить их роли руководящего класса. Меньшевистский пуританизм на деле все время был оппортунизмом. Они вопили против сближения рабочих с крестьянами, мотивируя „классовой чистотой". А сами все время входили в блок с Черновыми, Савинковыми, Керенскими, т.-е. с самой дрянной и контр-революционной частью «крестьянской» партии.

Третий с'езд большевиков в Лондоне и первая конференция меньшевиков в Женеве

В середине 1905 года состоялся Третий с'езд партии, который, как уже было сказано, можно считать, в известном смысле, первым с'ездом большевиков, потому что на нем участвовали только они. Меньшевики, имея в правом кармане печать Центрального Комитета, а в левом—Совета Партии, говорили, что им никакого с'езда не надо, потому что вся власть была в их руках. Вследствие этого мы, большевики, были вынуждены, чтобы выйти из этого положения, созвать новый с'езд. Но меньшевики решительным образом этому воспротивились, и нам пришлось его собрать вопреки тогдашнему Ц. К. С'езд был созван Бюро Комитетов Большинства и состоялся за границей, в Лондоне, в середине 1905 года. В то же время, меньшевики собрали свою первую, как они выражались, Всероссийскую Конференцию в Женеве. Таким образом, летом 1905 года, уже перед самой революцией, состоялся смотр сил, с одной стороны—большевиков, на III с'езде в Лондоне, а с другой—меньшевиков, на «Первой Всероссийской Конференции» в Женеве. На этих двух с'ездах обе стороны выработали детальную тактику—каждая сторона свою—применительно к революции 1905 года, ибо все чувствовали, что не сегодня—завтра настанут решающие дни.

III с'езд имел громадное значение. Главная его заслуга была в том, что он впервые выдвинул разработанную программным образом идею соединения всеобщей забастовки с вооруженным восстанием. Теперь это нам кажется, как и многое другое, довольно обычной вещью, но в то время это было очень ново. Остановимся, на несколько минут, на вопросе о всеобщей забастовке.

Вопрос о всеобщей забастовке

Международная социал демократия, в лице II Интернационала, эту идею тогда отвергала. Во II Интернационале ходило крылатое словечко покойного Ауэра, известного оппортуниста-вожака немецкой партии: generalstreik ist generalunsinn *). Почему? А потому,—говорил он,—что, если бы мы, действительно, могли провести всеобщую забастовку так, чтобы все рабочие, как один, бросили работу, то это значило бы, что мы можем сделать и революцию; но, если, с другой стороны, мы—такая сила, тогда нам не надо всеобщей забастовки; если же мы этого не можем, значит—у нас не выйдет и всеобщая забастовка. Отсюда Ауэр делал вывод: всеобщая забастовка — бессмыслица. Меньшевики подпевали Второму Интернационалу в этом вопросе. И тогда, действительно, о всеобщей забастовке не было и речи: была полоса такого затишья, что, когда в Бельгии, в связи с избирательным правом, произошла небольшая стачка, продолжавшаяся всего два дня, то это было громадное событие, о котором писали целые исследования, в том числе и покойная Роза Люксембург.

При таком отношении Второго Интернационала, а меньшевиков и подавно, к вопросу о всеобщей забастовке, III с'езд оказал большую услугу революционному движению, выдвинув вперед эту идею и заявив, что всеобщая забастовка—не бессмыслица, что в России она стоит в порядке дня, и что мы ее проведем.

Вопрос о вооруженном восстании

Еще более остро стоял вопрос о вооруженном восстании. О нем Второй Интернационал и слышать не хотел, доказывая, что это анархизм, и ссылаясь на предисловие Энгельса, написанное им в 90-х годах. В этом предисловии Энгельс, указывая на бешеный рост военной техники буржуазных армий и на перестройку улиц в больших городах, которые, став слишком широкими, не давали возможности вести баррикадные бои, приходил к выводу, что, при таких условиях, вооруженное восстание—вещь очень трудная, так как буржуазия разобьет в несколько часов любое движение такого рода. За это предисловие крепко ухватились все оппортунисты и твердили в один голос, что вооруженное восстание—невозможно, что это, мол, «доказано Энгельсом», совершенно упуская из виду, что в России—условия иные и что империалистические войны могут создать другое положение в самих армиях и в Западной Европе.

И в этом отношении III с'езд нашей партии опять оказал революционному движению крупнейшую услугу, заявив, что он ставит вооруженное восстание в порядок дня, что оно возможно и что оппортунисты неправильно толкуют Энгельса. При этом он не только выдвинул каждую из этих идей в отдельности, но еще предложил их синтез, т.-е. соединение вооруженного восстания со всеобщей забастовкой, как бы предусмотрев пророческим оком ход событий 1905 года, а потом и 1917-го.

Заслуги III с'езда

Таким образом, на III с'езде был заложен несокрушимый фундамент большевистской тактики и начертана точная программа грядущей революции. Не надо забывать, что этот с'езд заседал за два-три месяца до решающих событий 1905 года и что его постановления явились для революционных партий всего мира как бы образ-

*) Всеобщая стачка—всеобщая бессмыслица.

цом того, как революционная марксистская мысль, если она связана с массовым рабочим движением, может предугадывать путь революции. Перечитывая резолюции III с'езда, можно сказать, что, приложив ухо к земле и прислушавшись к событиям в России, он предсказал, на основе марксистского анализа, их дальнейший ход.

Вопрос о вооружении рабочих

Тем временем меньшевики завершали и совершенствовали свою оппортунистическую программу. На своей Всероссийской Конференции они выдвинули совершенно другую идею—так называемого «революционного самоуправления». Они готовились к участию в Булыгинской Думе и разработали оппортунистически все стоявшие на очереди вопросы. В этом смысле, отличным примером может служить вопрос о вооружении рабочих. III с'езд нашей партии выдвинул его с большой силой и энергией. В наши дни он кажется нам, как и многое другое, азбукой, но тогда, в годы мирного развития Второго Интернационала, когда Каутский и его присные боялись ружья, как огня, вооружение рабочих казалось многим диким бунтарским бредом. И вот, когда III с'езд нашей партии поставил этот вопрос ребром, меньшевики, на своей Всероссийской Конференции, завопили, что это неслыханный анархизм, что это бунтарство! Нам надо вооружать рабочих не оружием,—говорили они,—а сначала «жгучим сознанием необходимости вооружаться». На это им превосходно ответил большевизм. Вы считаете русских рабочих маленькими детьми, вы хотите «вооружать их сознанием»; но это время уже прошло; сознание у них есть, и теперь их надо вооружать уже винтовкой, чтобы бить царя и буржуазию.

Вот как резко расходились мы тогда с меньшевиками. С одной стороны, была боевая рабочая фаланга, готовившаяся к революции, а с другой—кисло-сладкие разговоры о жгучем сознании и революционном самоуправлении, т.-е. об улучшении земств и городских дум и участии в Булыгинской Думе.

Комиссия Шидловского

После событий 9-го января, царское самодержавие увидело себя вынужденным пойти на известные уступки рабочим, выдвинув, для этой цели, так называемую комиссию Шидловского, которую многие петербургские рабочие, вероятно, еще помнят. Царь назначил председателем этой комиссии сенатора Шидловского и предложил рабочим послать туда своих представителей для совместного обсуждения вопросов о некотором улучшении быта рабочих, в духе требований Гапона. Само собой понятно, что коренных политических вопросов эта комиссия не затронула, ограничившись сущими пустяками. Эту комиссию надо было использовать, как всякую легальную возможность, что мы и сделали. Но меньшевики построили тут целую философию и набросились на комиссию, как мухи на сахар.

Булыгинская Дума

Еще позднее, когда рабочее движение получило дальнейшее развитие, когда сорганизовался Союз Союзов и стало усиливаться движение среди крестьян, когда в армии и во флоте, особенно на военных кораблях, стало зреть настроение, приведшее потом к восстанию на броненосце «Потемкин Таврический»,—тогда царское самодержавие подумало о более значительных «реформах» и решило созвать Думу, получившую название—«Булыгинской». Подготовка этого дела, в смысле выработки соответственного избирательного

закона, была поручена царем Булыгину. Мысль царской шайки заключалась в том, чтобы созвать такую Государственную Думу, которая не имела бы никаких серьезных прав, а являлась бы лишь органом совещательным, представляющим свои мнения на «благовоззрение» монарха, который и решает все вопросы. Выработанный Булыгиным избирательный закон был таков, что рабочие не получали почти ничего, между тем как дворянство и буржуазия имели все права.

Когда очертания Булыгинской Думы выяснились в достаточной степени, возник вопрос—как к ней отнестись. Большевики предложили отказаться от какого бы то ни было участия в этой Думе, бойкотировать ее и, мобилизовав массы, сорвать ее. Мы чувствовали, что начавшееся движение было исключительной силы, что своими плохо испеченными пряниками царское самодержавие никого уже не накормит, что надо их вырвать у него из рук, бросить на земь и итти дальше против царизма. Меньшевики, как водится, увидели в царском проекте начало парламентаризма в России и предложили сначала участвовать в Думе. А когда их стали высмеивать, они от участия отказались, заявив: в таком случае, мы будем созывать избирательные собрания, выбирать своих людей не в Думу, а в органы революционного самоуправления. Но потом и этот план был отброшен, и революция перешла к очередным делам через Булыгина с его Думой и через меньшевистский проект „революционного самоуправления". Рабочие сказали: в бирюльки играть мы не намерены; наступает серьезное время, пахнет порохом, близится настоящая революция; не зачем выбирать в Думу, которую подсовывает нам царское самодержавие.

Октябрьские события 1905 года

При такой обстановке разыгрались октябрьские события 1905 года: всероссийская забастовка, энергичная деятельность Союза Союзов, 17-ое октября, известные уступки со стороны самодержавия и, наконец, конституция. Подробности и закулисную сторону дарования конституции можно узнать из записок Витте, который всесторонне обрисовывает в своей книге игру страстей, партий и придворных интриг. В то же время нарождается первый петроградский Совет Рабочих Депутатов. Я подчеркиваю: Совет Рабочих Депутатов, а не Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Это очень важно, потому что именно в этом была его главная слабость. Большевики говорили: для того, чтобы стать силой, надо иметь Советы не только рабочих, но еще солдатских и крестьянских депутатов. Это, однако, не удалось сделать, потому что движение было слишком слабо.

Сама идея Советов, как и все крупные идеи, родилась в массах. Меньшевики пытались потом представить дело так, будто их куцая идея революционного самоуправления воплотилась затем в идею Советов. Но от их идеи до Советов так же, как до звезды небесной, далеко. Не меньшевики выдвинули идею Советов: она родилась в массах, в их глубоких недрах, на фабриках и заводах Петрограда. Петроградский Совет стал зародышем правительства. И дело обстояло так: либо этот Совет возьмет в свои руки власть и разгонит царское правительство, либо оно разгонит Совет. Как известно, произошло последнее. Часть большевиков совершила ошибку, требуя, чтобы Совет официально принял с.-д. партийную программу. Но Ленин и большевистский Ц. К. скоро поправили эту большую ошибку.

Декабрьское (1905 г.) вооруженное восстание в Москве

Кульминационным пунктом движения было декабрьское восстание в Москве, на Пресне. Руководящая и организационная роль принадлежала в нем большевикам, их комитету, во главе которого стояли: покойный Шанцер (Марат), умерший заграницей в 1911 г., нынешний замнаркомвнудел Владимирский, член нашей партии Седой, который жив и несколько других товарищей. Этим же комитетом были впервые организованы рабочие боевые дружины.

Московское вооруженное восстание, имевшее громадное историческое значение, было разбито и потоплено в крови рабочих. И почти сейчас же после того, даже лучшие из меньшевиков,—как, например, Плеханов,—поспешили от него отречься. Плеханов написал по этому поводу холодную, бездушную, почти предательскую фразу: «Не надо было браться за оружие». На это мы ему ответили: ошибочно это движение или нет,—но только из-под пера враждебного рабочему классу человека могли вырваться такие слова. Когда в 1871 году парижские коммунары потерпели поражение, Маркс, предостерегавший парижских рабочих от восстания, не сказал им, что не надо было браться за оружие, а написал блестящую книгу: „Гражданская война во Франции", увековечив великое дело парижских коммунаров в поистине бессмертном творении, являющемся шедевром марксистской публицистики. Плеханов, как и многие другие, не пошел по пути Маркса: словно барин от революции, он остался стоять в стороне и как звездочет, обсуждал движение лишь с отвлеченной точки зрения—„не надо было браться за оружие". Большевики поступили не так. Тов. Ленин отнесся к этому восстанию с величайшей любовью. Его первый лозунг был: изучать все, даже малейшие эпизоды этой борьбы, технику боев и биографии отдельных участников. Ленин не из тех „революционеров, которые солидаризуются лишь с победоносным восстанием (на это охотников найдется очень много)—ему дорого также и разбитое восстание нашего класса. Бывают поражения, которые ценнее иной победы. А декабрьское поражение 1905 года было именно таким. Это было первое восстание передовых рабочих под лозунгами нашей партии, когда они уже ясно знали чего хотели, а не шли за знаменами Гапонов. Самый факт его показал, что движение поднялось на новую ступень, что рабочий класс вырос в грандиозную самостоятельную силу, имеет ясную программу и был проникнут готовностью обрушиться на вооруженную до зубов царскую армию. Пусть движение потерпело неудачу: мы не заключали договора с победой. Рабочие обычно идут к ней через ряд поражений. И потому, солидаризируясь целиком с этим восстанием, большевики об'явили решительную борьбу Плеханову за его ренегатскую фразу—„не надо было браться за оружие".

Г. Зиновьев.

